

Дневник
Делаймы
Сексуальное путешествие

Джасинда Уайлдер

Оригинальное название: Delilah's Diary: A Sexy Journey

Книга: Сексуальное путешествие

Автор: Джасинда Уайлдер

Серия: Дневник Делайлы

Количество глав: 5 глав

Переводчик: Галя Раецкая

Редактор: Юлия Большакова

Вычитка: Юлия Большакова

Обложка: Галя Раецкая

Оформление: Юлия Большакова

ГЛАВА 1

7 июня

Я обнаружила Гарри этим утром прямо на месте преступления. Я имею в виду глубоко, по самые яйца, в церковной секретарше, в нашей кровати, в нашем доме. Сука обернула свои варикозные ноги вокруг его талии и кричала:

— Да, да, Гарри, трахни меня жестче.

Чтобы прояснить: Гарри — мой муж, а секретарь церкви — жена пастора.

Перестав стягивать пропитанный кофе свитер через голову, я замерла в дверном проеме нашей спальни. Моя грудь вываливалась из слишком маленького лифчика — слишком маленького, потому что Гарри был полным жмотом, чтобы купить мне новый, который подходил бы по размеру. Юбка была насквозь промокшей от кофе, который я пролила на себя на работе, что и заставило меня неожиданно вернуться домой. Почувствовав, как что-то твердое и горячее формируется внизу моего живота, я вся покрылась гусиной кожей.

Я всегда была уравновешенной девушкой, не поддавалась истерике или вспышкам гнева. Всегда делала правильные, умные и хорошие вещи. Берегла себя для брака, как примерная девочка. Встречалась лишь с Гарри, мы целовались только на крыльце родительского дома, когда мои родители не следили за нами из гостиной.

Итак, в тот момент, когда Гарри смотрел на меня большими испуганными глазами через свое потное плечо... я потеряла контроль.

Имею в виду, я стала абсолютно сумасшедшей. Сняв свою туфлю на шпильке, я бросила ее в Гарри, но попала в бок Хелен, когда тот пытался слезть с нее. Вскрикнув и завалившись на бок, она свалилась с кровати, а ее висячие маленькие сиськи подпрыгнули, когда она падала. Я сняла другую туфлю и бросила ее в изменщика — подонка-мужа, так сильно как могла. Она попала ему прямо в голову. На его лбу образовался порез, и из раны полилась струйка крови, которая текла по его голому торсу, вспотевшему животу, затем попала на чистые белые простыни, на мои простыни, мои простыни Майкла Корса, которые я берегла в течение месяца.

Бросание обувью было не самой сумасшедшей частью. Но я считаю, что это совершенно естественная реакция, когда ты находишь своего свиноподобного мужа и совокупляющуюся изменщицу-шлюху-разлучницу в вашей постели, на ваших простынях от Майкла Корса.

Нет, сумасшествие будет позже. Швырнув обе туфли, я пронеслась мимо Гарри к нашей гардеробной и начала бросать одежду в самый большой чемодан, который смогла найти. Я

срывала платья, юбки и блузки с вешалок, хватала кучки джинсов и шорт с полок и как попало запихивала все это в чемодан. Я все еще была полуголой, мокрой и потной, но меня это не заботило. Хелен и Гарри молча за мной наблюдали. Гарри прижимал руку к своему кровоточащему лбу.

Я скинула мокрую одежду, но потом поняла, что уже закрыла чемодан со всеми своими вещами, поэтому мне пришлось совершенно голой копаться в нем, чтобы найти трусики, чистый лифчик, и что-то, чтобы переодеться.

Никто не проронил ни слова.

Молча и не глядя на шокированных изменников, я потащила свой тяжелый чемодан мимо них. Схватив свою сумочку с кухонного стола, где ее и оставила, я закинула в нее зарядку от мобильного и вышла.

Гарри не извинялся, не пытался объяснить, также как и Хелен Уорнер. Меня это полностью устраивало. Что тут можно сказать?

Сев в свою машину, я была не в силах успокоить яростные, кружащиеся мысли в моей ошеломленной голове. Я помчалась в банк. Моя сестра — менеджер банка, она всегда ненавидела Гарри по непонятным мне причинам. Войдя в здание, я сразу прошла в ее офис, прерывая телефонный звонок.

— Бетти, я тебе перезвоню, — сказала Лия и повесила трубку.

— Делайла? Что случилось?

Я захлопнула за собой дверь и упала в кресло перед ее столом. Я не плакала. Я просто сидела там, безучастно глядя на ковер под ногами.

— Ди? Поговори со мной. Что произошло, милая?

Лия оказалась рядом, присела и положила руку мне на колено, глядя на меня голубыми глазами, наполненными искренностью.

И тогда я поняла, что она знала. Она знала о Гарри и Хелен Уорнер.

— Почему ты мне не сказала? — шепотом спросила я.

— Не сказала что? — Она пыталась выглядеть смущенной, но я видела, что между ее идеально выщипанными бровями формируются беспокойные морщинки.

— О Гарри и Хелен. — Я указала пальцами на свои дрожащие бедра. — Я застала их вместе. В моей постели. Трахающимися.

Я никогда не ругалась. Я всегда считала, что ссоры были признаком слабого ума, потому что так всегда говорили мои родители, но в этот момент хорошее сильное ругательство было всем, что я смогла придумать.

— Они трахались в моей кровати, Лия. В нашей кровати. Мой муж и жена пастора. В нашей постели.

Я смерила взглядом свою сестру, и этого было достаточно, чтобы она отошла от меня, разглаживая шелковую юбку на своих стройных прекрасных бедрах.

Ее стройные бедра. У Хелен стройные бедра. Как и у Лии, у Хелен маленькие груди, маленькие ягодички, маленькие ноги и руки, тонкая талия...

— Ты знала, не так ли? — спросила я. — Ты знала, что Гарри мне изменяет.

Лия обошла вокруг и села за свой стол. Она поправила блокнот и ручки, сосредоточив свое внимание на них, не глядя мне в глаза.

И вдруг, будто что-то щелкнуло у меня в голове. Обмен взглядами между Лией и Гарри во время семейных обедов. Командировка в Чикаго прошлой осенью, которая случайно совпала с командировкой мужа Лии. Теперь я и к своей сестре относилась с подозрением.

— Да, — ответила она, щелкая ручкой. — Я знала. Они давно спали вместе. Все об этом знают.

Иллинойс — маленький город. Конечно, знали все, кроме меня. Какая я глупая и наивная.

Лия все еще не подняла взгляд, и тогда я поняла. Она была виновата, и не только в том, что не сказала мне о Хелен. Плечи Лии резко опустились, а пальцы напряглись и задрожали.

Поправив ремешок сумочки на плече, чтобы хоть чем-то занять руки, я подбирала слова, как обвинить свою сестру.

— Ты тоже, правда?

Я хотела сказать не так, но это было начало.

— Ты и он во время командировки. Ты трахнула его, не так ли?

Это слово теперь легче слетало с моих губ. Мне оно понравилось. Оно было сильное, грязное и греховное. Произнося его, я уже не чувствовала себя маленькой хорошей христианской девочкой, которой больше не хотела быть.

Одинокая слеза скатилась с лица Лии и упала на календарь на ее столе. Она кивнула.

— Когда вы с Майком уехали в командировку... мы с Гарри встретились в Пеории. Провели неделю вместе. После того как ты и Майк вернулись... был еще один раз. Однажды в воскресенье, после церкви. Ты приболевшая пошла домой, Майка вызвали на работу.

— Майк знает?

Мне нравился Майк. Он был добродушным, великодушным и мягкосердечным человеком. У них с Лией было двое детей, Люси и Раймонд. Прекрасные дети.

Лия покачала головой.

— Нет. Это убьет его. Его сердце, ты знаешь. В последнее время оно не в порядке.

Впервые за несколько минут, она посмотрела на меня. У нее под глазами размазалась тушь.

— Пожалуйста, не говори ему, — хриплым голосом умоляла она.

— Кого еще, — мой голос надломился, и я попробовала снова. — Кого еще он трахал?

Лия достала бумажный платок из коробочки на столе и промокнула глаза.

— Синтия Робертс, Тоня Хэммонд. Это все, о которых я знаю наверняка.

У меня закружилась голова.

— Мы были женаты восемь лет, Лия. Восемь лет. Он изменил мне с четырьмя женщинами? Одна из которых — моя сестра? — я почти сорвалась на крик.

— Возможно, их было больше. Он кобель, Ди. И всегда им был. Это видели все, кроме тебя. Всем известно, что Гарри спит с кем попало.

Он не был так хорош, как я думала. Но у нас небольшой городок, с ничтожным количеством зрелых, хоть в половину, симпатичных мужчин. Гарри был высоким, сейчас с небольшим избыточным весом, но он все еще несет природный груз могущественного человека. Он полнее меня, что стало одной из причин, почему я вышла за него. Он не заставлял меня чувствовать себя толстой. С ним я ощущала себя женщиной нормального размера. Но в сравнении с ним Хелена казалась крошечной. Как кукла. И Лия, крошечная маленькая Лия... она, должно быть, вообще потерялась под ним. Образы всплывают перед глазами и не уходят: Гарри — бледные волосатые ягодицы мелькают и раскачиваются, Лия — тощая, с фарфоровыми ногами вокруг его талии, тоненьким голосом поощряет его...

Я зажмурилась и попыталась избавиться от этих образов.

В моей груди образовался и замер горячий твердый ком.

Тот же инстинкт, который заставил меня собраться и уехать, вел меня и теперь. Я не сомневалась.

— Лия, обналичь мой банковский счет.

Лия была поражена внезапной командой и сталью в моем голосе. Я всегда была кротким человеком, несмотря на свои размеры. А Лия всегда была жестокой, доминирующей.

— Но, но, Делайла... он твой и Гарри... совместный. Он и на его имя тоже. Я просто не могу.

— Сейчас, Лия, или я всем расскажу.

Когда в городе все знают твою тайну, это одно. Но сплетни — это совсем другое. Лия знает меня достаточно хорошо, чтобы понимать, что это означает, ведь я, как главный редактор городской газеты, могу распространить информацию, стоит мне только захотеть.

Лия кивнула. Нажав на кнопки клавиатуры, она выбежала из офиса, натянув при этом спокойное и властное выражение лица. Я сидела, кипя внутри и снаружи. Лия вернулась с тремя толстыми конвертами. Двадцать тысяч долларов.

Мы с Гарри копили эти деньги для первоначального взноса за более большой дом.

Я взяла конверты и положила их на дно своей сумки, под эротический роман, который я тайно читала, под телефон и бумажник.

— Прощай, Лия.

Я развернулась и вышла, не оборачиваясь, оставляя свою сестру — мою единственную семью — сидеть ошеломленной и на этот раз безмолвной.

Банк находился в нескольких кварталах от автобусной остановки, так что я оставила машину с ключами на сидении, вытащила чемодан из багажника и покатила его за собой. Я чувствовала на себе взгляды. Люди останавливались в процессе поедания своих обедов в «Закусочной Лорин», проезжая на своих машинах и играя в шашки в парке. Они смотрели, как я иду к автобусной остановке с перегруженным чемоданом позади себя, с сумочкой на плече и с горящими глазами.

Я не могу этого вынести. Я остановилась и повернулась лицом к городу.

— Гарри Флорес — изменяющая шлюха! — Я кричала так громко, насколько позволяли мои легкие. — Он трахнул половину этого города!

Я увидела Синтию и Тоню, стоявших бок о бок на тротуаре. Эти двое — лучшие подруги.

— Включая вас двоих, Синтия Робертс и Тоня Хэммонд! — Мой голос почти охрип. — Хелен Уорнер! И мою сестру!

Я развернулась, чувствуя, как меня окружает ошеломленное неловкое молчание. Отказываясь признавать кого-либо, я нашла билетную кассу, за ней оказалась Мардж Коньерс с продолговатым лицом, которая с трудом смотрела мне в глаза.

— Один билет до Чикаго, пожалуйста.

Мардж просто кивнула, прошла по клавиатуре и вручила мне билет.

Я развернулась, но остановилась.

— Ты тоже, Мардж? Ты тоже трахалась с моим мужем?

Лицо Мардж залилось всеми оттенками красного.

— До того, как вы поженились, и после того, как он сделал предложение. — Она не смотрела мне в глаза. — У него маленький член, и он был не настолько хорош.

Она выглядела удивленной тем, что сказала, будто не собиралась этого говорить.

— Я не знаю, — произнесла я ледяным тоном. — Он все, что у меня было.

Я нашла свой автобус, простаивающим и готовым отъезжать. Он был пуст, внутри было всего несколько пассажиров. Я нашла место в конце и села, положив сумку на колени и борясь со жжением в глазах. Горячий большой ком застрял в моем горле.

Автобус с грохотом ожил и со стоном увозил меня от маленького города, где я жила всю свою жизнь. Я обнаружила, что тяжелый груз на моих плечах, который я не замечала, спал, давая мне возможность легче дышать. Чем больше миль автобус «Грейхаунд» прокладывал между мной и Крошечным городом Иллинойсом, тем меньше груза я ощущала.

Прошло около полутора часа, прежде чем первая слеза скатилась с моего лица и капнула на штаны для йоги. Немногочисленные пассажиры сидели в несколько рядов в начале автобуса, спали или сидели в наушниках. Я всхлипнула, затем скатилась еще одна слеза.

Меня охватила буря эмоций, и я рухнула на соседнее сидение. Твердый подлокотник врезался мне в бок, но меня это не заботило. Я позволила слезам и рыданиям вырваться из меня, пока не пришло истощение.

Когда буря закончилась, я снова приняла сидячее положение и обнаружила темнокожую пожилую женщину, сидящую в кресле напротив меня, ее глаза были большими, карими и добрыми, темные волосы с проседью были уложены в пучок.

— Застали своего мужчину за изменой? — Ее голос был нежным скрежетом.

Я кивнула, протирая глаза краем футболки размера 3XL из Disneyworld.

— Это не конец света. Просто окончание того, что вы знали.

Она прошла по проходу и села рядом, взяв мою холодную руку в свою, сухую и тонкую.

— Все, что я знала, было моим миром. Он был моим первым и моим единственным. Я хранила себя для брака, пока мне не исполнилось двадцать один. Я никогда не целовала другого мужчину. — Старая женщина лишь кивнула и сжала мою руку, таким образом, показывая, чтобы я продолжила. — Мы ходили в одну старшую школу, в тот же колледж. Я знала его всю свою жизнь. Мы встречались пять лет, прежде чем он сделал предложение, и все это время я даже не смотрела на других мужчин. Я была с Гарри тринадцать лет. С тех пор как мне исполнилось шестнадцать. Мы едва целовались. В день нашей свадьбы он напился, да и я тоже. Я даже не помню... как делала это. Помню, что было немного больно, а потом он уснул.

Старушка рассмеялась.

— Ну, милая, не хочу этого говорить, но, возможно, это к лучшему. Первые разы совсем не те, какими их принято считать. Мой первый раз был чертовски ужасным. Он даже не был со мной нежным.

— Гарри всегда был нежен со мной. Хорошо ко мне относился. Заботился обо мне. Но... с ним всегда все было одинаково. Мы ложились в постель, он ложился позади меня и начинал трогать мою грудь. Я... перекатывалась на спину, он вставлял его, кончал, и все. — Я всхлипнула и посмотрела в окно. — Простите. Я не знаю, зачем рассказываю вам все это. Я даже не знаю вашего имени.

— Сьюзен, — представилась она, еще раз сжимая мою руку. — Вы должны продолжить и рассказать мне все. Поделиться с кем-то, не так ли? Я была на вашем месте.

— Меня зовут Делайла, — произнесла я.

— Делайла. Красивое имя для красивой девушки. — Сьюзен убрала с моих глаз прядь мышинно-каштановых волос длиной до талии. Это был жест бабушки, и он заставил меня

почувствовать себя лучше.

— Этим утром по пути на работу я пролила на себя кофе. Всего несколько часов назад. Вернулась домой, чтобы переодеться, и нашла его в нашей постели с женой пастора. Она выглядела так, будто наслаждалась этим, даже больше чем когда-либо я. — Зазвонил мой телефон, но я его отключила.

— Я застала своего мужа точно также. На работе произошел несчастный случай, всех отправили по домам. Я застала его с моей лучшей подругой. Конечно, он не просто трахал ее. Он был в ее заднице. Он пытался однажды сделать это со мной, но я не была готова для подобного. — Сьюзен покачала головой. — Он тоже был моим первым, моим мужем. Хотя был не последним, и я отправилась узнать то, что упускала. Вот что ты должна сделать.

Я удивленно смотрела на нее.

— В ее... он засовывал это в ее задницу? — Я скривилась от отвращения. — Фу. Что Вы имеете в виду, говоря, что узнали то, что упускали?

Сьюзен засмеялась.

— Ну, это кажется грубым, но это довольно приятно, если он делает все правильно. — Она окинула меня серьезным испытующим взглядом. — Твой мир перевернулся с ног на голову, Делайла. Ты покинула свой дом и это хорошее начало. Мой совет? Просто живи. Совершай необузданные вещи. Ищи приключения. Познакомься с женщиной и не сдерживайся. Знаешь, это не обязательно должна быть любовь. Ты можешь просто получать удовольствие.

Ее слова потрясли меня. Я не была уверена, хочу ли ей верить или нет. То, что она говорила мне, шло вразрез со всем, во что я верила всю свою жизнь. Я была на Библейских чтениях, христианкой, ходящей в церковь. Секс был частью брака, выражением любви. Ничего больше. Все остальное было грехом и мерзостью перед Богом.

Затем произнесенные ею раннее слова до меня дошли.

— Подождите, Вы сделали это... туда, с женщиной?

Рассмеявшись, Сьюзен наклонилась ко мне поближе.

— Делайла, ты даже не представляешь, что упускаешь. Тебя ждет целый мир впереди. Начни с малого. Сначала поцелуй мужчину. Если ты делала что-то лишь с изменщиком, бывшим мужем, то должна начать с простого. Просто начни. Пойми, кто ты.

Я разговаривала со Сьюзен весь оставшийся путь до Чикаго. Последнее, что она сказала мне, прежде чем мы разошлись на платформе, было судьбоносным.

— Делайла? Преобразись. Измени то, как ты выглядишь. Стань дикой, девочка. Та, кем ты была, ушла. Стань кем-то новым.

Поцеловав меня в щеку, она сжала мою руку и ушла. Взяв в руку свою косу длиной до талии, которую никогда не стригла, я посмотрела на свои штаны для йоги и рваную футболку, и поняла, что Сьюзен права.

Было уже довольно поздно, а я была одна в Чикаго. Я ничего не ела, меня трясло от голода, поэтому я взяла такси до небольшого ресторанчика, который посещала, когда была здесь в командировке, и сняла номер в знакомом мне отеле.

Я стояла голой перед зеркалом в ванной своего гостиничного номера после душа и изучала себя. В распушенном состоянии мои каштановые волосы доходили до талии. Глаза — небесно-голубого цвета, как освещенные солнцем сапфиры. Мой рост пять футов и семь дюймов (180 см. прим. перев.). Я коснулась своих груди 38 DD размера, все еще упругих, но определенно тяжелых, с темными ореолами, размером с пятидесяти центовую монету, и

толстыми сосками. Широкие бедра; круглая, но крепкая, задница всегда была немного больше, чем мне хотелось, независимо от того, как сильно я старалась привести ее в нужную форму.

Я провела руками по волосам, которые за всю жизнь по-настоящему не стригла, только подрезала на дюйм или два. Если я собираюсь измениться, то должна начать со своих волос. Отрезать их будет чертовски трудно.

Я всегда считала, что кожа была одним из моих лучших достоинств. Сливочная, чистая, безупречная, мягкая как шелк и белая как фарфор. Я провела руками по своей груди, чувствуя слабый укол чего-то волнующего глубоко в животе, пока ладони пронеслись над сосками. Я слышала, что женщины могут сами доставить себе удовольствие, но никогда не была достаточно храброй, чтобы попробовать. Я имею в виду, конечно, я трогала себя, изучая свое тело, как маленькая девочка. Но я знала, что трогать себя таким образом было грехом, грязным, мирским грехом, настолько же плохим, как лгать, воровать или использовать слова проклятия. Как молодая женщина, я надеялась, что мой парень, а затем и муж, обеспечит мне удовольствие, которого я хотела, но потом, когда этого не произошло, я начала чувствовать, что сексуально прикасаясь к себе, буду изменять своему мужу, и, конечно, с самого детства мастурбацию окружал позор. Я начинала несколько раз, когда Гарри уходил, и отчаянно нуждалась в любом виде удовольствия в жизни, но у меня никогда не хватало храбрости, чтобы продолжить.

Сейчас я скользнула руками вниз по бокам к талии, спускаясь все ниже к полным бедрам и проводя по ляжкам.

Должна ли я? Идея касаться себя, чтобы ощутить сексуальное удовольствие, все еще заставляет нечто глубоко в моей душе дергаться с неодобрением. Достаточная причина, чтобы попробовать. Я поняла, у меня была цель: я должна оставить позади все, кем я была раньше.

Что может быть лучше, чем начать с этого?

Я снова коснулась своих груди, подняла их, а затем отпустила. Взяла сосок между большим и указательным пальцем каждой руки и мягко сжала. О мой... Когда я ущипнула их сильнее, через меня прошел электрический ток, который прокатился через живот в колени, затем к бедрам и к моей...

Как я должна это называть?

Я не могла думать о слове, которое я любила. Вагина? Нет. Я отклонила этот вариант как слишком клинический. Я думала обо всех словах, которые слышала в фильмах и прочитала в тайных эротических романах — мой единственный грязный маленький секрет. Пизда? Звучит слишком по-иностранному, слишком грубо. Манда? Ха, нет; слишком грязно. Киска? Это слово чаще всего используется в эротических книгах.

Я провела руками вниз по животу и запустила пальцы в треугольник вьющихся волос. Мне понравилось это слово.

— Киска, — произнесла я вслух. Слово эхом отозвалось в небольшой ванной, в осуждающем звуке. Я повторила его, прорываясь через чувства вины и позора.

— Киска. Я собираюсь коснуться своей киски, — хихикала я. — Киска, киска, киска.

Я захихикала снова. Произнеся это слово много раз, я заставила его звучать так, будто я зову кошку.

Я попробовала предложение, которое прочитала в своей последней книге:

— Я собираюсь трогать пальцами свою киску.

Это звучало лучше.

Хотя я все же покраснела.

Я положила одну руку себе на грудь... Привела в порядок мысли: моя грудь — и снова покрутила сосок между пальцами, затем просто для разнообразия щелкнула по нему, довольно сильно. Почувствовав, что между ног стало влажно, я ахнула. Это было хорошо. Очень хорошо.

Я провела пальцем вдоль складки своей киски, все еще чувствуя приступ вины из-за грязного слова. Я гадала, на что это будет похоже, если засуну свой палец вовнутрь. Будет ли это похоже на то, когда Гарри вставлял туда свой член?

Думая о Гарри, я почувствовала тошноту, поэтому сразу же выкинула его из головы, решая больше никогда не думать о нем, если у меня не было другого выбора.

Наблюдая за собой в зеркале, я положила руку на киску, затем медленно и нерешительно погрузила в себя средний палец.

Я чувствовала себя влажной, очень влажной и теплой, но тугой, даже для моего маленького пальца. Невольное изображение пениса Гарри вспыхнуло в моей голове, и я поразилась, что он вообще туда вошел, не причиняя мне боли. Я помнила слова Мардж о том, что у Гарри был маленький. Тогда как же будет ощущаться мужчина побольше? Будет ли больно? Были времена с Гарри, когда я чувствовала хоть какое-то удовольствие, это было тогда, когда он не торопился, двигался медленно, а не просто трахнул, крикнул и отключился. Он двигался внутри меня скользкими движениями, наполняя... это было восхитительно, но всегда слишком быстро заканчивалось, когда я только начинала чувствовать, что внизу живота что-то нарастает.

Сейчас, когда я играла со своими сосками, глубоко внутри росло давление. Я снова скользнула туда средним пальцем, настолько далеко, насколько позволял мой сустав. О, это было хорошо. Очень хорошо. Хотя этого было недостаточно. Собрав все свое мужество, я добавила указательный палец к среднему. Еще лучше. Двумя пальцами, погруженными вовнутрь, я погладила вход и обводила границы, коснулась стенок, затем наружу и к ключевому местечку, недалеко от самого верха. Я нашла маленький комочек, шишечку. Она была тугой, почти как... как член в миниатюре. Я коснулась ее пальцем, и мои колени подогнулись от прилива интенсивного ощущения, подобного которому я раньше никогда не чувствовала, умопомрачительное удовольствие, которое заставило меня пошатнуться. С дрожью в коленях я схватилась за край раковины и чуть не упала, скользя на воде, собравшейся у моих ног.

Восстановив равновесие, все еще готовая, я посмотрела через плечо на кровать. Мне будет комфортнее делать это на спине, в постели. Все еще голой, я легла на кровать, чувствуя себя распутной и греховной, а затем развела колени в стороны.

Одно прикосновение к маленькому комочку вызвало головокружение... каково это будет: касаться его, пока я больше не смогу этого выносить? Нужно время, чтобы это узнать. Я знала, чем была эта складка кожи: клитором. Я знала свою анатомию, в конце концов. Я была безнадежно защищенной, а не полной идиоткой. Но зная анатомию или читая о герое эротического романа «омовение ее ноющего клитора его неутомимым языком» было совсем другой историей, чем первая мастурбация в двадцать девять лет.

Я ворвалась внутрь двумя храбрыми пальцами, коснувшись клитора... моего клитора... снова, и от сильных ощущений начала слегка задыхаться. Больше движений, затем медленный круг... о, боже... почему я раньше никогда этого не делала? Движения

ускорились, в глубине живота, в ногах и поясице зародилось дикое давление. Бедра задрожали сами по себе, терзая и выгибая мой позвоночник над матрасом.

Я слышала, что задыхаюсь, почти истерическое хныканье сорвалось с моих губ, когда я начала водить круговыми движениями по клитору, как в тумане, и теперь огонь бушевал во всем теле. Давление разрослось в неудержимом вихре, и чтобы не закричать, мне пришлось прикусить губу, потому что мое тело распадалось на части. Извиваясь на кровати, я учащенно дышала, волны чистой энергии взрывались и сосредотачивались на клиторе.

Волны стали невыносимыми, а тело — сверхчувствительным, и я позволила себе поникнуть на кровати, тяжело и прерывисто дыша.

— О... мой Бог... это было невероятно. — Я разговаривала с пустой комнатой, но меня это не заботило. Если это то, что я могла сделать с собой, не зная точно, что и как делать, то что может сделать мужчина, который знает, как доставить мне удовольствие?

Эта мысль заставила меня задрожать от ожидаемого возбуждения, а не от страха.

*

После этого я заснула, истощенная от событий дня. Я проснулась поздним вечером. Покинув отель, я не знала куда направляюсь или что собираюсь делать, но решила сделать хоть что-нибудь. Я хотела начать жизнь заново и обновить себя. Я была на пути самопознания.

Мысль поразила меня своей обыденностью, но это правда. Моим первым увлечением было записывать происходящие события. Я вела дневник всю старшую школу и в колледже, потом из-за брака и карьеры журналиста я забросила эту привычку. Я стала редактором, но продолжала составлять дневниковые записи по пути на работу, даже если никогда их не записывала.

Я была писателем по профессии. Специализировалась в области журналистики, потому что это казалось более реальным способом зарабатывать на жизнь, чем какой-то туманной мечтой «издать книгу». Теперь, когда все, что я знала, ушло, а мое будущее ждет, пока оно будет написано заново, я обнаружила, что не просто хочу, а нуждаюсь в том, чтобы снова вести дневник.

Так что я нашла ближайшее место, где продавали электронику, и купила нетбук. Маленький, дешевый, портативный, недостаточно мощный и с маленькой памятью, но это все, что мне нужно, чтобы вести дневник, пока я путешествую.

В какой-то момент, между тем, как я покинула дом или то, что было домом, и прогулкой этим вечером, я решила, что собираюсь путешествовать, увидеть мир. У меня есть деньги, по сути украденные у мужа... скоро-будет-бывшим-мужем... я была полна решимости их использовать.

Я взяла свой новый нетбук и села в Старбаксе, чтобы записать предыдущие события, потягивая большой чай-латте. Я могла бы заплакать, когда начала писать, но к тому времени, как закончила звездочками несколько параграфов, была спокойна и набирала слова в бешеном темпе.

И вот сейчас я сижу здесь, со своим вторым чаем-латте, не думая о том, что выходит из-под моих пальцев. Люди проходят мимо меня, болтают по двое или по трое, читают книги и делают домашнюю работу, смотрят в окно, слушают музыку. Я окружена людьми, но абсолютно одинока.

Я не возражаю против одиночества. Вернуться домой... назад туда, там нет одиночества. Я была бы на работе или дома с Гарри, ходила бы за покупками, гостила у Лии, или что-то еще. Я никогда не была одна, никогда не сидела, не думала и не делала то, чего хотела.

Чего я хочу?

Я хочу жить. Я хочу испытать новые ощущения. Я хочу увидеть Рим, Афины, Венецию, Париж, Лондон, Токио, Теркс и Кайкос. Я хочу почувствовать поцелуй мужчины, почувствовать, как его руки делают со мной эти вещи. Хочу испытать секс и любовь. Хочу чувствовать себя желанной. Хочу чувствовать себя одинокой в чужой стране. Хочу чувствовать себя храброй и да, даже напуганной.

Пока я не поймала Гарри, изменяющего мне, все было одинаково: мирно, скучно и предсказуемо. В конечном итоге, у нас с Гарри родился бы ребенок, и я, вероятно, бросила бы свой пост редактора и свою карьеру в целом, чтобы растить малыша, Гарри и я занимались бы сексом по субботам и воскресеньям, и я никогда бы не узнала чего-то другого.

Но я пролила на себя кофе. Моя жизнь была выброшена в окно, и вся моя личность поставлена под сомнение.

Никогда раньше я не чувствовала себя настолько живой. Я могу делать что угодно.

Святое дерьмо, я в ужасе.

ГЛАВА 2

8 июня

Я проснулась этим утром, готовая к переменам. Просмотрев пару салонов неподалеку, записалась на стрижку и окрашивание волос. Я взяла с собой всю свою одежду, но, просматривая ее, поняла: все это аккуратные, практичные, без излишеств деловые наряды или удобная одежда. Ничего сексуального, забавного и стильного.

Во время завтрака я строила планы. Шаг первый — новая одежда. Модная, забавная, сексуальная одежда. Шаг второй — найти адвоката и послать Гарри документы на развод. Я не покину Чикаго, пока не закончу с этим. Шаг третий — купить билет на самолет, к чему-то далекому и экзотичному. На ум сразу приходит Рим.

Шопинг для нового гардероба оказался более болезненным и тяжелым, чем я представляла. Вещи не подходят, или выглядят неправильно, или я не могла понять, с чем их носить. Не думаю, что справляюсь с этим.

Я стояла в примерочной в красном платье в обтяжку, которое обтягивало мои изгибы, поднимало сиськи и открывало ноги... и не могла заставить себя выйти из примерочной в таком виде.

Я спросила себя в недвусмысленных выражениях, в чем, черт возьми, была моя проблема.

Самоуважение. Гарри никогда не делал комплименты и не говорил, что я прекрасно выгляжу. Конечно, если бы я попыталась спросить его, что он думает об этом платье, он бы дал шаблонный ответ:

— Конечно, малыш, выглядишь великолепно, — сказал бы он, едва отрываясь от телефона. — Твоя задница классно смотрится.

И это все. Он бы полапал меня в темноте перед сном и поцеловал по пути к двери, но

ничего большего. Он всегда был со своим телефоном. Спал с телефоном под подушкой, а когда прекращал отсылать сообщения и письма, засовывал в карман. Выходил из комнаты, когда ему звонили, тайно писал сообщения. Теперь я понимаю, как подозрительно это было, как ясно. Затем я просто оттолкнула свой страх в сторону, как паранойю.

Он не любит меня. Не хочет меня. Почему?

Я была не красивой и не желанной. Он хотел женщину среднего возраста, с избыточным весом, с разбухшими венами, грузную, безвольную жену пастора больше, чем меня. Конечно, я была немного тяжелее, с изгибами, но я думала, что, по крайней мере, выглядела лучше, чем Хелен, гребаная, Уорнер.

Очевидно, нет.

В спешке я покинула второй магазин, ничего не купив, и решила себя побаловать. Я вернулась в Старбакс. Заказав маффин и латте, я провела долгий фестиваль сожаления до назначенной встречи со стилистом, и уже не чувствовала, что смогу пройти через это. В любом случае, я заставила себя пойти.

Стилистом была пожилая женщина, может около пятидесяти, стройная, гламурная, модная, и все это космополитанское и очаровательное.

— Что мы сегодня будем делать, солнышко? — спросила она, взбивая пальцами мои длинные, густые, каштановые локоны.

Я пожала плечами.

— Я не знаю. Изменения, я думаю.

Она уловила депрессивную тоску в моем голосе. Прекратив трогать пальцами мои волосы, она встретилась со мной взглядом в зеркале.

— Милая, я тебя не знаю, но я узнаю депрессию, когда вижу ее, и могу тебе сказать, что депрессия — это худшее время для стрижки. Особенно с такими волосами, как у тебя. Ты отращивала их всю свою жизнь, это точно. Момент отчаяния — и их нет. Ты не сможешь вернуть их. — Она послала мне твердую, но добрую улыбку. — Я готова делать то, что ты мне скажешь, но я просто не хочу, чтобы ты сожалела об этом.

Я покачала головой.

— Все не так. Тут намного больше, чем мимолетная депрессия. Вся моя жизнь... меняется. Я меняюсь.

Я обнаружила, что снова изливаю свою слезливую историю абсолютному незнакомцу. Я все ей рассказала, и дорогая женщина — чье имя оказалось Джулия — лишь кивала, слушала и протягивала мне коробку салфеток. Когда я закончила, она похлопала меня по плечу.

— Милая, ты действительно собираешься начать сначала? — Она расчесала пальцами мои волосы. — Не оглядываясь назад, не меняя свое мнение?

Я кивнула, протерла глаза и нос.

— Пока жива, я не вернусь туда. Ни ради своей семьи, ни ради чего-то другого. Я должна начать сначала. Я должна.

Она снова улыбнулась.

— И снова, если ты уверена, я могу начать работать над твоими волосами. Я могу придумать десятки вещей, что можно сделать с такой прекрасной копной волос, как твоя.

Я пожала плечами.

— Я не знаю, чего хочу. Я только подрезала их и никогда не думала, как буду выглядеть со стрижкой. — Я вспомнила свой приступ жалости в примерочной. — Просто... хочу почувствовать себя новой, и... красивой.

Джулия протерла глаза.

— Ох, милая. Почему мы позволяем мужчинам делать это с нами? Ты прекрасна. Я знаю, тяжело это замечать, когда они устраивают подобное дерьмо, но ты не можешь дать этому мудаку власть над твоими чувствами. Ты сильная, милая женщина, и я превращу тебя в кого-то нового. Обещаю, когда я с тобой закончу, ты себя не узнаешь.

Я кивнула и улыбнулась.

— А можешь научить меня одеваться как ты? — Шутила я, но лишь наполовину.

Джулия наклонила голову.

— Ты действительно начинаешь все с начала, ведь так?

— Я засунула все, что у меня есть, в чемодан. Но потом поняла, что эта одежда — старая я. Карьера и жена. Я хочу купить новую, сексуальную одежду, но... — я пожала плечами и снова заплакала. — Я просто не знаю как. Я никогда не была такой.

— Тебе не нужна стрижка, милая, а всего лишь преображение. Полная перезагрузка.

Я кивнула.

— В этом и план, но я не знаю, с чего начать, за исключением стрижки.

Джулия странно посмотрела на меня.

— Ты готова довериться мне?

Я снова пожала плечами, и мне показалось, что я часто так делаю.

— Конечно, имею в виду, я собираюсь позволить тебе сделать мне стрижку, так почему бы и нет?

Не ответив, она вытащила телефон из ящика своего рабочего места и что-то быстро напечатала.

— Что ты делаешь? — спросила я.

— Вызываю кавалерию, — загадочно ответила Джулия.

— Предстоит большая работа, да?

Джулия закатила глаза.

— Милая, преображение — это всегда большая работа, и для настоящего преображения нужна команда. Я лишь собираю свою. Все еще доверяешь мне?

Я кивнула, мое сердце подпрыгнуло к горлу. Я не была и никогда не буду готова.

«Кавалерией» оказались двое парней-геев — пара — я так предположила, но не была уверена. Их звали Хосе и Джордж, оба они были до смешного красивыми, в отполированном, элегантном, немного женственном образе. Хосе был латиноамериканцем, около тридцати, с гладкими черными волосами, бриллиантовыми серьгами и золотым ожерельем, которое выглядывало из расстегнутой шелковой рубашки. Он был в облегающих кожаных штанах и кожаной обуви на заказ, с кольцами на каждом пальце и пронизывающими серыми глазами. Джордж был старше, сорок или пятьдесят лет, его голова тщательно выбрита, аккуратно подрезанная козлиная бородка обрамляла мягкий рот, на нем был аккуратный серый костюм в полоску с выцветшей дизайнерской рубашкой, бледные голубые глаза и длинные тонкие пальцы.

Джулия рассказала им версию «Примечаний Клиффа» из того, что я поведала ей, уберегая меня от повторения. Хосе и Джордж цокнули языками и покачали головами.

Джордж сказал:

— Ох, сладкая. Мужчины иногда такие мудаки.

Я согласилась и старалась не смеяться над их сладостью, искренностью и жеманностью. Это было противоречие в терминах, как мне показалось, но это правда. Они

были абсолютно искренними, хоть их манеры и казались напускными, будто они хотели, чтобы все знали, что они геи и как этим гордятся. Я никогда не чувствовала себя защищенной, воспитание маленького городка было мучительным, до этого момента. Я чувствовала предвзятость и мелочность, стараясь понять их, и провалилась. Я не знала, как вести себя с ними: должна ли относиться к ним как к мужчинам, как к женщинам, или как к тем и другим... они, казалось, были смесью обоих полов, и от этого у меня кружилась голова.

Я перестала пытаться понять их, когда они начали обсуждать тактику, как они это называли. Я не поспевала. Они говорили на собственном языке, обсуждали расслоенность и соответствующие углы моего лица, тон кожи, цвет глаз и... закрыв глаза, я просто сдалась, наслаждаясь ощущением рук в моих волосах.

Я позволила им отвести себя к раковине и помыть волосы, горячая вода расслабила мои нервы. Они вытерли мои волосы в три фута длиной и усадили обратно у рабочего места Джулии.

— Ты готова, милая? — спросил Хосе.

Я пожала плечами и кивнула. Хосе лишь рассмеялся. Он протянул Джулии пару ножниц и отошел в сторону. Поднеся ножницы к моим волосам, Джулия остановилась.

— Не хочешь пожертвовать свои волосы? — спросила она.

— Не знаю. Я даже не в курсе, что вы можете это сделать.

— «Замки Любви» смогут сделать великолепный парик из твоих длинных потрясающих волос.

Я снова пожала плечами.

— Конечно, почему нет? Если я в любом случае собираюсь их отрезать.

Несколько быстрых надрезов, и вся моя верхняя часть тела показалась мне на десять фунтов легче. Хосе и Джордж протерли мое лицо салфетками Kleenex и сказали, какой храброй я была, как сильно я люблю себя, когда они закончат, я просто должна им довериться.

— Сладкая, ты просто воплощенное очарование, — сказал Джордж. — И ты заслуживаешь увидеть себя такой.

Я растаяла и желала, чтобы он был натуралом, чтобы я могла его поцеловать.

Я сидела, отвернувшись от зеркала, уверенные руки Джулии отрезали, взбивали и снова отрезали, пока мне не показалось, что я буду лысой, когда она закончит. Затем она сделала нечто со зловонной смесью на моих волосах, и оставила меня сидеть в обществе Джорджа, пока они с Хосе вышли покурить.

Я все рассказала Джорджу. Я не понимала, почему продолжаю изливать свою жизненную историю идеальному незнакомцу, но все они казались заинтересованными и искренне добрыми, и я не могла себя остановить. Я поняла, что раньше меня никто не слушал.

— Что тебе нужно, — сказал Джордж, — так это приключение. Тебе стоит отправиться куда-то далеко, встретить мужчину и позволить ему повалить тебя с ног. Но не влюбляйся. Просто позволь ему сладко заниматься с тобой любовью, пока ты не забудешь, как дышать. Затем отправляйся куда-нибудь еще и делай это снова.

В этот момент вошел Хосе.

— Не смущай бедную прелесть, — произнес он. — Что ей нужно, так это хороший трах.

Я покраснела от корней волос до пальцев ног.

— Хосе, ты мерзавец, — побранил его Джордж, — ты разве не видишь, что расстраиваешь ее? Она еще к такому не готова.

— Я не расстроена, — ответила я. — Я просто... не привыкла к таким вещам.

— Ну, это довольно очевидно, — Джордж похлопал меня по колену и помог подняться, снова подводя к раковине. — Один раз в день, шаг за шагом. Доверяй своим инстинктам, это самое главное.

Мои волосы снова помыли и высушили. Джулия потратила несколько минут, укладывая их, потом отряхнула мои плечи и расстегнула фартук.

— Закрой глаза, — проинструктировал Джордж.

Я зажмурила глаза, почувствовав, что с моих плеч сняли накидку и смахнули еще немного волос.

— Ты готова увидеть новую Делайлу Флорес? — спросил Джордж. Я кивнула. — Ну, тогда открой глаза.

Я сделала глубокий вдох и открыла глаза. Как мне и обещали, я себя не узнала. Раньше мои волосы были длиной до талии, волнистые, каштановые, и не очень блестящие. Теперь они были ультра-короткие, открывая уши, и ярко-красные, что-то между малиновым и бордовым. От этого черты лица казались довольно милыми, но просто... экзотическими и поразительными. Мои глаза небесно-голубого цвета выделялись еще больше, а фарфоровая кожа казалась белее, даже красивее.

У меня перехватило дыхание, глаза жгло от невыплаканных слез, даже если я выплакала гораздо больше, чем человек смог бы за день.

— Ну, милая? Что ты думаешь? — спросил Джордж.

Я рассмеялась и икнула.

— Думаю, мне нужно объятие. — Я провела пальцами по своим волосам, чуждое ощущение. — Это восхитительно. Я не знаю, что сказать, что думать. Это... невероятно. Я не знаю, кто я.

— Это ты, обновленная, — ответил Хосе.

Джордж закатил глаза.

— Это одна из самых идиотских вещей, что ты когда-либо говорил, Хосе.

Я поднялась и обняла Хосе.

— Нет, это не так. Это имеет значение.

Я заметила, что стою очень близко рядом с ними тремя, и ощущения того, что меня обнимают, было достаточно, чтобы сжать их сильнее.

Мы отошли друг от друга, и Джулия подтолкнула меня к двери.

— Теперь иди. У тебя впереди еще больше преобразений, а у меня есть еще клиенты. — Я вытащила кошелек из сумочки, но Джулия остановила меня. — Нет, милая, это за счет заведения.

Она протянула мне визитку.

— Это мой кузен. Он один из лучших адвокатов по разводам в городе. Я назначила с ним встречу. Он тебе поможет. Не отступай, хорошо?

— Спасибо, Джулия. — Я снова обняла ее и вышла за дверь с Хосе и Джорджем.

Они отвели меня в «Serphora» и выбрали совершенно новую косметику, давая головкружительные инструкции по надлежащему использованию и применению, я последовала лишь половине, так как не была сильна в нанесении макияжа. Затем мы отправились в «Waterplace Tower Mall», где началось настоящее веселье.

Не знаю, сколько времени мы там провели, разглядывая товары в каждом женском магазине, проверяя каждую вещь на каждой стойке. Когда я объяснила, что не была связана бюджетом, их глаза засветились, и они начали хватать вещи, будто наступило Рождество. Они держали блузки и юбки, упаковывали их и громким шепотом обсуждали мои «активы». Эти двое заставили меня перемерять тысячу разных нарядов, вытягивая меня из примерочной постоянной поддержкой и ободрением.

Когда они начали брать с полок все в пределах третьего размера, я задумалась, может мне стоит установить лимит, но вскоре поняла, они действительно знают, что делают. Из шести вещей, которые я примерила, лишь одна или две подошли мне, остальные были беспощадно, но мягко, отложены в сторону, как «не то, что нам нужно».

Когда мы закончили, торговый центр уже закрывался, я потратила почти четыре тысячи долларов, но у меня был новый гардероб элегантной сексуальной одежды, разработанной для того, чтобы взаимозаменять друг друга. Мы вернулись в номер моего отеля, и я выслушала длинную речь о моде, аксессуарах, нанесении макияжа и о важности самооценки.

В конце концов, они надели на меня юбку до колен, блузку с рукавами и глубоким вырезом, поверх жакетик-болеро, изящное ожерелье, туфли-лодочки на низком каблуке и крошечный клатч, в котором поместились деньги и телефон. Я оставила большую часть денег в сейфе отеля, просто потому, что слишком боялась повсюду носить с собой двадцать тысяч долларов.

— Ну, милая, — сказал Джордж, — ты официально обновлена. Как себя чувствуешь?

— Лучше, на пути к тому, чтобы стать новой Делайлой.

— Ты чувствуешь себя красивой? — спросил Хосе.

Я наклонила голову из стороны в сторону.

— Возможно. Это займет некоторое время.

— Конечно, займет. Но ты сама должна в это верить, иначе не поверит никто. Настоящая красота и стиль внутри, дорогая, — ответил Джордж. — Ты готова?

Я была в замешательстве.

— Готова к чему? Я думала, мы закончили?

Джордж рассмеялся веселым, сотрясающим живот, смехом.

— Чтобы отпраздновать! Ты не можешь преобразиться и не отпраздновать это. Мы собираемся напоить тебя и научить, как подцепить парня.

Казалось, Хосе и Джордж знают всех, я имею в виду, буквально всех. Они повели меня в бар, больше похожий на частный клуб, место, о котором вы узнали от того, кто уже знает о нем. Это была дикая, хаотичная вечеринка, кишашая красивыми, убийственно разодетыми людьми, где жадно поглощают мартини и дорогое вино, шампанское с названиями, которые я не могу произнести, и первоклассные коктейли. Все пили, но никто не был пьян. У каждого, в каком-то смысле, была пара, но все оценивали остальных, будь это гей, натурал или еще кто. Это было сумасшествием, запутанным и волнующим.

Зайдя внутрь, с Хосе по одну сторону и с Джорджем по другую, я сразу стала темой для яростных перешептываний и возбужденных разговоров. Никогда в жизни я не чувствовала на себе столько взглядов, которые разглядывают меня, оценивают; даже тогда, когда потеряла самообладание посреди Главной Улицы днем ранее, я не была центром внимания.

Стараясь прикрыть обнаженную грудь, я сильнее завернулась в болеро. Раньше я никогда не носила ничего настолько открытое. Я думала, если вдохну слишком сильно, то мои соски выскочат наружу, и я не была уверена, как собираюсь сидеть, не ослепляя всех.

— Почему все так смотрят на меня? — прошептала я.

— Во-первых, потому что ты выглядишь невероятно. И во-вторых, потому что ты с нами, и мы невероятны, — ответил Джордж.

— Смирись. Ты сексуальная сучка. Привыкай к этому, — вмешался Хосе.

Я была потрясена, что меня назвали сучкой. Там, откуда я пришла, называть женщин сучками — это серьезное дело; ты не говоришь подобного, если на самом деле не имеешь это в виду. Я сжала руку Хосе в знак благодарности, потому что он имел в виду комплимент.

Хосе и Джордж — по какой-то причине, всякий раз, когда я думала о паре, имя Хосе всплывало первым — потащили меня к бару и, заказав текилу «Санрайз», прислонились к стойке, потягивая свои напитки. Казалось, они ждут.

— Не должны мы, ну, пообщаться или еще что-то? — спросила я.

Джордж рассмеялся.

— Ни в коем случае, милая. Мы позволим им прийти к нам.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я пожалала плечами и отхлебнула свой напиток, стараясь пить медленнее. Я не была любительницей выпить. Мои родители не были трезвенниками, им просто было тяжело замедляться. Я никогда в жизни не пила больше трех бокалов. Но когда я закончила колледж, в тот день, с Лией, я была безрассудной, громкой и абсолютно не самой собой. Я проснулась с гудящей головой и обетом больше никогда не повторять этот опыт.

У Хосе и Джорджа были другие планы. Они вовлекли меня в интеллектуальный остроумный разговор, охватывающий все: начиная с литературы, в которой Джордж был очень хорош, заканчивая спортом, политикой и модой. Я не заметила, что допила свой напиток и как-то продолжила уже с другим, а затем мы были окружены десятком людей, я разговаривала с женщиной, чьи уши были покрыты пирсингом, начиная с мочек и до самых кончиков, волосы были длинными, заплетенными в центре и выбритыми по бокам. Она была барменом и студенткой института кинематографии в Колумбийском. Когда она исчезла, я без остановки флиртовала с большим, восхитительно красивым темнокожим мужчиной, который был одет в рваные джинсы и футболку без рукавов, что открывала взору его играющие, чернильно-черные бицепсы.

Мужчина, чье имя было Джеральд, казалось, пытался увести меня от группы, он приближался ко мне, вступая в мое личное пространство, так что я была вынуждена отойти от группы и от безопасности в обществе Хосе и Джорджа. Голова ослабла на плечах, мысли замедлились. Через мои руки прошло столько напитков, что я потеряла им счет, и не могла понять, как самой выбраться из этой ситуации.

Я посмотрела на Джорджа, к которому я, казалось, привязалась больше, чем к Хосе, и попыталась построить глазами «помоги мне», чтобы не заметил Джеральд. Я нашла Джеральда красивым и очаровательным, но его тонкая манипуляция с моим личным пространством была пугающей, я знала, что была не в состоянии принимать решения.

— Делайла, дорогая, я должен посетить маленькую мужскую комнату, — сказал Джордж, появляясь около меня с теплой, твердой рукой вокруг моей талии, — почему бы тебе не составить мне компанию?

И не дав мне ответить, утащил от раздраженного Джеральда. Мы направились к уборным, и, к моему шоку, он зашел в женскую уборную вместе со мной.

— Джордж, разве ты зашел в ту, ну, ты знаешь, уборную?

Джордж лишь рассмеялся и проскользнул в кабинку.

— Ох, милая. Ты так невинна. Женщины всегда приводят своих парней в уборную. Девчачьи разговоры, ты знаешь. — Он говорил, пока писал, от чего я покраснела.

Он был таким странным сочетанием. Некоторые вещи в нем были явно мужскими, например, его прямота, манера распоряжаться, готовность сорваться и все исправить. Но затем, после моего первоначального шока, я действительно не чувствовала себя странно от его присутствия в уборной. Что-то в нем, я не была уверена что именно, заставляло мои инстинкты признать в нем «одну из девчонок».

Я была пьяна, и с этим надо что-то делать. Я пописала, помыла руки и под одобрителем взглядом Джорджа поправила макияж.

— Джеральд был очень... настойчив, — сказала я.

Джордж вздохнул.

— Да, он такой. Он классный парень, в каком-то смысле, но абсолютно не подходит тебе. Ты хорошо его поняла. Я не могу сказать о нем что-то негативное, но он просто не правильный выбор на твоей жизненной ступени.

— Он продолжал отталкивать меня от группы, не прикасаясь. Это было странно.

— Джеральд такой. Он очень умелый в социальных ситуациях. Ты и не заметишь, как он это сделает, но вдруг, ты именно там, где он хочет: одна и восприимчива к его очарованию. Он делал так со мной раньше. Это было весело, но... он не мой тип.

Я посмотрела на Джорджа, нанося новый слой туши.

— Ты имеешь в виду, ты и он... — Джордж лишь кивнул; сейчас я была еще больше смущена. — Но он флиртовал со мной, а я женщина.

— Он играет за обе команды, сладкая. — Казалось, Джорджу смешно. — Можно сказать, что он равный авантюрист.

Я пыталась переварить то, как можно быть заинтересованным в мужчинах и женщинах, но не могла с этим справиться. Покачав головой, я отклонила это.

— Ты должна найти кого-то, кто тебе понравится, — сказал Джордж мне на ухо, когда мы вернулись в хаотический водоворот людей и шума. — Не иди с ним домой, просто... повеселись.

Он привел меня обратно к группе у бара, которая расширилась, по крайней мере, до десяти человек, с тех пор как мы ушли в уборную. Джеральда нигде не было видно, но там находились несколько мужчин, которые выглядели, для моих неопытных глаз, достаточными натуралами, чтобы с ними флиртовать. Но и Джеральд выглядел так же.

Черт возьми, как же трудно.

Джордж нашел себе местечко, откуда сможет присматривать за мной, но при этом вести собственный разговор, эффективно оставив меня для собственного плана, но все же под контролем. Я чувствовала себя ребенком на поводке, в некотором смысле, но было приятно знать, что я под присмотром. Было трудно, я оказалась в запутанном мире, и была рада, что кто-то ведет меня в нем.

У меня было несколько коротких бесед, пока я не обнаружила, что разговариваю с высоким мужчиной в элегантной одежде и с дорогой стрижкой. Я едва успела представиться, когда ко мне незаметно подошел Джордж.

— Милая, я не представил тебя Леону, не так ли? — Джордж провел официальное знакомство. — Делайла Флорес, это Леон де Лука, очень хороший друг. Леон, это Делайла. Она новенькая в городе.

Леон пожал мне руку, держа мои пальцы свободно, почти безвольно. Я думала, что

Джордж тонко направлял меня. Леон, Джордж и я вели праздный разговор, пока Леон не извинился и не ушел, а Джордж набросился на меня с раздраженным выражением.

— Делайла, дорогая, у тебя совсем нет гей-радара? — спросил он резким шепотом.

— Думаю, нет.

Джордж мягко рассмеялся.

— Ну, это довольно очевидно. — Он осмотрел помещение и указал на мужчину в достаточно хорошей одежде, но без изысканной элегантности, какую проявил Леон. — Видишь его? Он гей или натурал?

Я изучала его.

— Натурал?

Джордж закатил глаза.

— Нет, сладкая. Он еще больший гей, чем я.

— Есть разные уровни геев?

Джордж разразился истерическим смехом, вытирая глаза средним пальцем.

— Ох, боже, сладкая, ты не имеешь ни малейшего представления, так ведь? На самом деле, это справедливый вопрос, но не важный на данный момент. Видишь, как он стоит? Весь его вес на одной ноге, другая едва касается пола, и подергивается. Посмотри на его руки, то, как они сложены, и на его жесты, пока он разговаривает с другими? Кроме того, его одежда. Она не дорогая, но идеально сидит на нем, и все подходит друг другу, от обуви до ремешка часов. Но это не значит, что гетеросексуал не может хорошо одеваться, просто это не одно и то же.

Джордж снова просканировал толпу и на этот раз указал на другого мужчину: высокого, с жестким стилем, в свободной и более повседневной одежде.

— Теперь посмотри на него, — сказал Джордж, осторожно указывая пальцем за своим напитком. — Видишь, его одежда немного больше по размеру, джинсы не обтягивают его задницу, что мило, между прочим. Ногти подстрижены, но грубо. Он мечтатель, но абсолютный натурал. Посмотри на его позу. Ноги на ширине плеч, одна рука в кармане, другая держит пиво.

Я покачала головой, пораженная взглядом Джорджа на детали.

— Я могу пофлиртовать с ним?

Джордж снова рассмеялся.

— Сладкая, ты взрослый человек. Ты можешь сама принимать решения. Но да, с ним флиртовать безопасно. Я бы это сделал, если бы он играл за мою команду. Я имею в виду, боже, сладкая, посмотри на эти руки! — Он повернулся, чтобы уйти, но наклонился ближе и тихо прошептал мне на ухо. — Если ты будешь с ним беседовать, не говори, я повторяю: не говори ничего о том, почему ты приехала в Чикаго. Никакой личной драмы. Будь легкой и невинной. Ты здесь по работе.

На этом Джордж не спеша оставил меня с полупустым напитком и взволнованным сердцем.

Парень был горяч. И теперь, когда Джордж указал на различия, я видела, что не смогла бы принять его за кого-то, кроме гетеросексуала. Под этим я имею в виду человека в целом. И для записи — его руки были массивными.

Сделав глубокий вдох, я собрала все свое мужество и пошла к нему. В последнюю секунду со мной случился приступ паники. Что я скажу? Как один человек завязывает разговор с кем-то, в ком заинтересован? Мои руки дрожали.

Я уже собиралась свернуть в сторону, когда мужчина вопросительно посмотрел на меня, сделал двойной заказ и развернулся ко мне лицом. Наши глаза встретились, и у меня перехватило дыхание. Его глаза были ярко-зеленые, как дикая трава на солнечном поле. Лицо угловатое, тяжело сглаженное и симметричное, суровая красота, затененная однодневной щетиной. Челюсть выглядела достаточно сильной, чтобы ломать камни, рука, сжимающая пиво, была похожа на лапу, бутылка в ней казалась крошечной и хрупкой.

Мое сердце ускорилося, когда он вытащил руку из кармана и сделал длинный шаг ко мне.

— Привет, я Брэд, — сказал он, его голос звучал как барабаны.

Его рука обернулась вокруг моей, жесткая, мозолистая, но нежная. Он сжал ее твердо, но не сильно. Мне это понравилось. Большинство мужчин держат руку небрежно или сильно ее сжимают. На этот раз было по-другому. Его глаза встретились с моими, и, казалось, мерцали обещанием юмора. Или чего-то еще.

— Делайла, — сказала я, стараясь не говорить с придыханием.

Я проигнорировала соблазн прижаться к нему поближе и позволить ему сократить дистанцию между нами, чтобы быть ближе друг к другу. Его тело излучало тепло, и он слегка пах одеколоном и ароматом, который я могу описать как чистый мужской пот.

— Я раньше тебя здесь не видел, Делайла, — сказал Брэд.

— Это потому, что я только приехала в город. Я здесь по работе. — Я держала предупреждения Джорджа в голове, когда думала, что сказать.

— О? Чем ты занимаешься?

Не паникуй, не паникуй. Никакой драмы, никакой драмы, увещевала я себя и колебалась немного дольше.

— Я редактор. Газеты. Я приехала в Чикаго на... семинар. Для редакторов и журналистов.

Брэд кивнул, и я поняла — теперь моя очередь задавать вопрос ему. Снова прошло некоторое время, делая все немного неловким.

— Итак, Брэд, чем занимаешься ты?

— Я архитектор. — Казалось, он почувствовал мой дискомфорт и указал на мой, теперь пустой, напиток. — Взять тебе другой?

Я кивнула и последовала за ним к бару. Джордж поймал мой взгляд и возбужденно поднял два больших пальца вверх. Я состроила гримасу, что-то между взволнованностью и «вот дерьмо». Джордж лишь закатил глаза и вернулся к своему разговору с Леоном, с которым, казалось, флиртовал.

Когда я получила свою водку с тоником, Брэд наклонился ближе и послал мне расслабленную, сексуальную улыбку.

— Итак, если ты впервые в Чикаго, как ты оказалась здесь? — Он неопределенно помахал пальцем, имея в виду небольшой клуб, в котором мы были.

Я усердно думала, стараясь найти способ это объяснить, не рассказывая о полном преображении, неожиданном бегстве в Чикаго, о Гарри, из-за чего я разозлюсь или заплачу, либо и то, и то, что будет совсем плохо.

— Ох, я встретила их в салоне, — сказала я, надеясь, что звучала небрежно.

Брэд выглядел смущенно, и я поняла, что сказала нечто нелогичное.

— Извини, я имею в виду Хосе и Джорджа. Я пришла с Хосе и Джорджем.

На лице Брэда появилось выражение понимания.

— Попалась. Они хорошие люди.

— Да, они замечательные.

Неловкое молчание.

— Итак, ты надолго в Чикаго? — спросил Брэд.

Он, видимо, старался прикрыть мои промахи. Я не была уверена, привлекала я его или нет. Он стоял, близко склонившись ко мне, но в баре было шумно. С другой стороны, я несколько раз поймала его взгляд, бродящий по ложбинке между грудей, а это должно что-то значить. Но потом, мужчины всегда так делают, так что, может, и нет. Я приказала себе перестать много думать и просто плыть по течению.

— Ох, на некоторое время. Никаких планов. Поживем-увидим.

Брэд кивнул, его брови нахмурились.

— Итак, ты в городе на «некоторое время», здесь ты «по делам» и просто встретила Хосе и Джорджа в салоне. — Казалось, он к чему-то вел, так что я молчала и позволила ему продолжать. — Знаешь, что я думаю, Делайла?

Я наклонила свою голову, сердце колотится. Я сделала что-то неправильно? Сказала что-то не то?

— Я думаю, ты бежишь от кого-то. — Он улыбнулся немного злой улыбкой, которая говорила: он знает, что прав.

Я сглотнула.

— Это так очевидно?

— Ха! Я был прав. — Брэд наклонился немного ближе. — Я лишь предположил.

— Откуда ты знаешь?

Его рука потерлась о мою, когда он поставил пиво на барную стойку.

— Твой палец, — ответил он, касаясь линии белее-чем-белая-кожа, где были мои обручальное и свадебное кольца.

Я сама коснулась бледной линии, стараясь, чтобы мой голос звучал нейтрально.

— Да, думаю, я могу сказать, что от кого-то убегаю. Это сложно. — Я попятилась, ожидая, что он отойдет и убежит, когда узнал, что у меня есть личный багаж.

Но он этого не сделал.

— Знаешь, что тебе нужно? Текила. — Он поднял руку, чтобы позвать бармена, и заказал пару шотов текилы.

Он протянул мне один шот и закрепил лайм. Я не собиралась этого признавать, но я понятия не имела, что должна делать с лаймом. Затем он взял мою руку в свою, насыпал соль на кожу между большим и указательным пальцем. Я просто тупо посмотрела на него, на соль и снова на Брэда.

Он насмешливо посмотрел на меня.

— Никогда раньше не пила текилу?

Я покачала головой.

— Не-а. Скажем так, я невинна, когда дело касается городской жизни.

Брэд усмехнулся, довольное урчание в его груди заставило что-то покалывать в моем животе. Мерцание в его глазах, некий блеск, что-то между голодом, жаждой и развлечением — все это ослабило мои колени. Я не была уверена, что готова к тому, что было на уме у Брэда, но и отступать мне не хотелось, пока нет.

— Ну, невинная Делайла, ты слизываешь соль, пьешь текилу и высасываешь сок из лайма.

Я пожалала плечами и поднесла руку ко рту, но Брэд поймал мое запястье своей рукой.

— Еще нет. Сначала мы должны сказать тост. — Он не отпустил мое запястье. — Чтобы избавиться от напряжения.

Он поиграл пальцами левой руки; на его безымянном пальце, похоже, была белая линия от кольца. Не разрывая зрительного контакта, он поднес мою руку к своему рту и слизнул соль с моего пальца медленным эротичным взмахом языка. Я покраснела, и жар растекся у меня в животе.

— Твоя очередь, — сказал он, и опрокинул шот себе в рот.

Он уже насыпал соль себе на руку. Я взяла ее, понимая, насколько большой и сильной она была, и поднесла ко рту. Мое сердце разрывалось в груди, стуча так громко, что думала, он точно его слышит, даже поверх музыки и голосов. Я провела языком по его руке, пробуя соленый жар его кожи и вкус поваренной соли, поднесла шот к своим губам и вылила прозрачную жидкость в рот. Я выпила ее и чуть не выплюнула все на Брэда, но сумела проглотить. Мое лицо исказилось в гримасу от экзотического мощного напитка, но Брэд положил лайм мне в рот, и я пососала его, сладко-кислый цитрус зажег огонь у меня во рту.

— Вау, — сказала я, когда снова смогла дышать. — Это было... гм... нечто.

— Правда? — Он все еще держал мою руку в своей, а я не отстранялась.

Он играл с моим запястьем, вырисовывая круги и узоры подушечками пальцев. Я не могла отвести взгляд от его гипнотических зеленых глаз и чувствовала странное, пламенное давление внизу живота, глубоко внутри, где я чувствовала подобное, когда вчера трогала себя.

Затем тепло поднялось наверх, и что-то взволновалось в животе, я начала потеть, почувствовала головокружение, и...

— Думаю, мне нужно немного воздуха, — сказала я, пытаюсь сохранить равновесие.

— Ах, должно быть, шот ударил тебе в голову. Пошли, я знаю местечко. — Он взял меня за руку и повел через толпу.

Я почувствовала другую руку на втором локте, и голос Джорджа прорвался сквозь головокружительный туман.

— Куда ты идешь, Делайла? — Его голос был обеспокоенным, с оттенком подозрительности.

— Я веду ее наружу, подышать, — сказал Брэд. — Она выпила со мной шот и перегрелась.

Пытаясь сохранить равновесие, я повернулась к Джорджу, затем к Брэду.

— Мне, правда, нужен воздух. У меня кружится голова и мне жарко. Было бы неплохо присесть. — Я многозначительно посмотрела на Джорджа. — Это нормально, Джордж?

Я надеялась, что он понял, о чем я спрашиваю, и что это было не слишком очевидно.

Брэд рассмеялся.

— Джордж, ты меня знаешь. Брэд Маллинс. Работаю с Юрием. Я позабочусь о ней обещаю.

Джордж кивнул и исчез.

Я посмотрела на Брэда, интересно, оскорбила ли я его. Казалось, он все еще смеялся, пока вел меня вверх по лестнице, на крышу. Усадив меня на скамью, он опустился рядом, его рука расположилась на спинке скамейки за моей спиной, но не вокруг плеч.

— Надеюсь, ты не думаешь, что я... — начала я.

— Лучше, чтобы ты была подозрительной, чем слишком доверчивой. Так безопаснее.

Теперь, когда я была снаружи, в прохладном ночном воздухе, я почувствовала себя лучше. Все еще слишком неустойчивая и слишком ошеломленная, но больше не чувствовала себя больной. Я четко осознавала, как близко был Брэд, как близко его огромная рука была рядом со мной. Я застряла между желанием обнять его и испугаться.

Я посмотрела на него, стараясь понять, о чем он думает. Его спокойные зеленые глаза встретились с моими, я почувствовала, что он тоже меня оценивает, не только мой уровень опьянения, но и то, чего я хотела.

Чего я хочу? Поцелуй? Это будет здорово. Возможно, хорошее место, чтобы начать.

Я позволила себе наклониться к нему немного ближе, ближе к изгибу его руки. Брэд немного приблизился, и его рука оказалась на моем плече. Она ощущалась хорошо, сильно и покровительственно.

— Извини, что увела тебя от веселья, — сказала я.

Он пожал плечом.

— Мне тоже нужен был воздух. Там, где очень много людей, становится душно.

Я просто смотрела на него, готовая к тому, чтобы он наклонился немного ближе. Его лицо было всего в нескольких дюймах от моего, которое становилось ближе и ближе, мое сердце бешено колотилось...

Я думала, что его губы будут твердыми и колючими из-за щетины, но они были мягкими, влажными, горячими и ищущими. Он был на вкус как пиво, не неприятно. Моя рука поднялась и опустилась ему на плечо, его ладонь касалась моего лица, притягивая меня ближе. Это было приятно. Он не подталкивал меня целоваться сильнее или быстрее, не лапал меня, просто целовал, медленно и мягко.

Этот мужчина знал, как целоваться. Не то, чтобы мне было с чем сравнивать, но... если бы поцелуи Гарри и Брэда были сумочками, Гарри был бы подделкой без торговой марки, купленной по дешевке в Кей-Марте, швы уже разошлись и замок сломался; Поцелуй Брэда... о мой бог. Его поцелуй был бы сумкой от Луи Витона.

Из моего горла вырвался тихий стон.

— Вау, я всего лишь поцеловал тебя, — сказал Брэд, когда мы отстранились друг от друга.

Я почувствовала, как мои щеки запылали от смущения.

— Да, ну... ты очень хорошо целуешься, — пробормотала я в его губы.

Он улыбнулся, жесткий изгиб его губ рядом с моими.

— Ты тоже.

— Что? Нет. Ты просто так говоришь. — Мои пальцы каким-то образом оказались в его волосах, и я отчаянно боролась с потребностью притянуть его для еще одного поцелуя.

— Нет, серьезно. — Он игриво коснулся своими губами моих. — На вкус ты как текила, губная помада и лаймы.

— Это хорошо?

— Для меня — да. — Он усмехнулся. — Я люблю текилу.

— Кажется, она ослабила мои запреты, — сказала я, ухмыляясь. — Я имею в виду, вот она я: первый день в Чикаго, целую странного мужчину на крыше.

— Я не странный, — запротестовал Брэд.

— Я имела в виду незнакомца.

— Я не незнакомец. Мое имя Брэд Маллинс, я архитектор и недавно развелся. Что еще ты хочешь знать?

— Мне нравится быть здесь, целовать тебя. Это здорово отвлекает.

Его глаза сверлят мои.

— Тебе нужно отвлечение?

Не говори о драме, не говори о драме.

— Да, это все еще вроде как... новое. — Выстрел. Дерьмо. Я не собиралась говорить этого.

— Новое? — Вдруг, Брэд казался обеспокоенным. Теперь я это сделала.

Пока-пока, Брэд.

— Не волнуйся об этом. Теперь я здесь, — сказала я, надеясь все спасти, если смогу.

Глаза Брэда нахмурились.

— Насколько новое?

Я откинула голову на его руку.

— Пойдем внутрь. Я могла бы выпить еще.

Я поднялась, слегка качаясь. Рука Брэда дернулась и прикоснулась к моему бедру, чтобы помочь мне устоять. От его прикосновения по моему телу побежали мурашки.

— Думаю, что тебе больше не стоит пить, — произнес он, вставая со мной. — Как насчет того, чтобы вместо этого выпить кофе?

— Они подают здесь кофе? — спросила я.

Он рассмеялся.

— Нет, я имел в виду выбраться отсюда и выпить кофе.

Он хотел поговорить. Я лишь хотела еще немного поцеловаться и отправиться домой. Хорошо, может, намного больше. Но что это было. Просто поцелуй. Конечно, не разговор. Я рассказывала свою историю миллион раз за последние сорок восемь часов и не хотела проходить через это снова и снова. Не с человеком, который мне нравился, и с кем я целовалась. Или поцеловала. Не важно.

— Конечно, — произнес мой рот, несмотря на попытки мозга вмешаться. — Звучит хорошо.

Он повел меня вниз, я нашла Хосе и Джорджа, забившимися в угол с двумя другими мужчинами, они выглядели довольными и покрасневшими.

— Мы с Брэдом собираемся выпить кофе, — сказала я.

— Ты уверена? — спросил Джордж, отстраняясь от своих друзей. — Ты в порядке?

— Да, я в порядке. Мы лишь собираемся выпить кофе.

— Хорошо, — сказал Джордж. — Просто помни, не делай ничего, чего делать не хочешь.

— Не буду. — Я обняла Джорджа и Хосе, который оказался рядом. — Спасибо, вам двоим. Я имею в виду, серьезно. Спасибо вам большое. Вы даже не представляете.

Джордж поцеловал меня в щеку, его ладонь выводила круги на моей спине.

— Ох, сладкая. Я знаю. Я был там же, где и ты. Совершенно точно, где ты. Хосе сделал для меня то, что мы сделали для тебя. Он помог мне увидеть того, кем я был на самом деле. — Он обернул руку вокруг талии Хосе и притянул его ближе. — Просто будь той, кем ты хочешь стать. Не позволяй ничему тянуть тебя обратно. Теперь иди выпей кофе с работягой Брэдом Маллинсом.

Кофе — это был длинный ленивый разговор в круглосуточной закусочной и жженое кофе в дешевых белых фарфоровых кружках. Брэд рассказал мне о своем разводе, он нашел свою бывшую в его кровати с двумя мужчинами. Ее адвокат был лучше, чем у него, и она

забрала все: квартиру в высотке, сбережения, машину — все.

Я рассказала ему свою историю. Про Хелен Уорнер и ее варикозные ноги, мою сестру и почти каждую женщину в возрасте от двадцати одного до пятидесяти лет во всем городе. Как забрала сбережения и убежала, про преобразование и смутные планы на кругосветное путешествие.

— Это все произошло день назад? — спросил Брэд.

— Да. Я уехала на автобусе вчера в десять утра.

Брэд пораженно покачал головой.

— Ну, ты справляешься намного лучше, чем я. Я был развалиной в течение нескольких месяцев. Я имею в виду, я напивался и оставался пьяным неделю. Почти потерял работу, пока, наконец, не пошел и не рассказал своему боссу о случившемся.

Я зевнула, и Брэд вытащил из кармана свой телефон.

— Святое дерьмо. Уже пятый час. Я должен отвести тебя в отель.

Он проводил меня до двери гостиничного номера. Мы стояли перед ней, соприкасаясь руками, лица в дюймах друг от друга. Я позволила своему телу взять верх и приблизилась, чтобы поцеловать его. Он замер, затем ответил на поцелуй, сначала нерешительно, затем более охотно. Его рука передвинулась на талию и притянула меня к себе. Спустя мгновение мои руки легли ему на грудь и, плавно переместившись, запутались в его волосах...

Я почувствовала твердую выпуклость у своего живота, и у меня ушло несколько секунд, чтобы сделать выводы.

И вот тогда началась паника. Целовать мужчину — это одно. Касаться его волос и чувствовать его руки вокруг себя — это другое. Но его мужественность... мысль о нем голом, в моей комнате, интимно касаясь меня...

Я отпрянула и прислонилась к двери.

— Извини... — сказала я, касаясь опухшей губы кончиками пальцев. — Извини, я не могу... я не могу.

Брэд подошел ко мне ближе, но остановился. Я видела выпуклость в его штанах, огромная и твердая. Мое тело, мозг, гормоны и сердце — все смешалось.

— Нет, Делайла, это мне жаль. Я не должен был. — Он отступил, понимая, куда я смотрела. — Извини. Я лучше пойду.

Я схватила его за руку, не желая, чтобы он думал, что я боюсь его или расстроена из-за него.

— Брэд, послушай... мне жаль. Я надеюсь, я имею в виду, я надеюсь, что не привела тебя к заключению, к чему движется эта ночь... когда это не так, или... я не могу. — Я была взволнована, заикалась; провела руками по волосам, снова удивляясь, какими они были короткими.

— Тебе не нужно объяснять, — сказал Брэд. — Я ничего не предполагал. Я имею в виду, я надеялся, что это произойдет. Но узнав, что все это случилось с тобой недавно... я не собираюсь торопить события.

— Мне, правда, жаль, Брэд. Я не собиралась заводить тебя, или... возбуждать и оставлять... неудовлетворенным. Я просто еще не готова. — Вдруг, я была опустошена после понимания. — Я еще даже не развелась. Черт, я еще даже не заполнила бумаги.

— Не извиняйся больше, Делайла. Я понимаю. Ты не должна объяснять. — Он мягко поцеловал меня на прощание. — Ты прекрасная, потрясающая женщина, Делайла, а твой бывший — идиот.

Он вытащил карточку из бумажника и протянул ее мне.

— Если тебе потребуется компания — позвони мне.

Он попятился, и в диком порыве я ринулась вперед и снова поцеловала его, быстро, но горячо.

— Спасибо за понимание, — произнесла я.

Он улыбнулся, помахал и ушел к лестнице.

Я вытащила ключ-карту и зашла в номер. Свернувшись на кровати, я попыталась выяснить, не совершила ли ошибку, позволив Брэду уйти, или это было умное решение. Мой мозг спорил об одном, сердце — о другом, а тело — о третьем.

Я заснула, все еще споря с самой собой, поперек кровати.

ГЛАВА 3

11 июня

Последние несколько дней были ураганными. Я прошла через процесс получения паспорта, встретила с кузенком Джулии, адвокатом по разводам, который составил документы и отправил их накануне вечером Гарри. Я честно рассказала о том, что очистила сберегательный счет. Адвокат предложил Гарри все остальное: машины, дом, акции и инвестиции — все. Я согласилась. Я просто хотела с этим покончить.

Гарри подписал и прислал документы обратно ночной срочной службой. С моих плеч упал груз, и я снова смогла дышать свободно или, может быть, впервые дышать. Я снова была одинокой женщиной. Чтобы отпраздновать, я провела день в СПА, сделала массаж лица, маникюр, педикюр, общий массаж и все виды других расслабляющих удовольствий.

Я сходила в туристическое агентство и просмотрела предлагаемые ими пакеты, но все они были для групп, маршрут расписан час за часом, всевозможные экскурсионные туры. Я хотела чего-то неопределенного, личного и свободного. Никаких планов, никаких групп, никаких туров. Нет маршрута — лишь я.

Я пожертвовала всю свою старую одежду, упаковала новый гардероб в новенький чемодан по завышенной цене и купила билет в один конец до Рима, Италия. Я не знала ни слова по-итальянски. Никогда не была за границей. Я не забронировала отель и никого не знала.

Я была напугана и оживлена.

Самолет должен был приземлиться в международном аэропорту Леонардо да Винчи — Фьюмичино. Со мной была сумочка с пачкой наличных, а остальное было распределено между ручным багажом и чемоданом. Я не хотела, чтобы все было в одном месте, но не нашла лучшего способа. Дорожные чеки? Я не знала, как пользоваться ими. Но думала, что научусь.

ГЛАВА 4

12 июня

Сегодня было сумасшествие. Целый час я пыталась выбраться из аэропорта. Я купила итальянско-английский словарь, но поняла, что приложение «Google Translate» на моем айфоне намного эффективнее. Я вводила фразу на английском, приложение переводило ее на итальянский, а после я показывала результат человеку, с которым пыталась общаться.

Таким образом, сотрудник службы охраны показал мне, как найти линию такси и гостиницу среднего класса, в которой я остановилась, в центре города.

О БОЖЕ МОЙ. Рим невероятен. Возраст и история сочатся из каждого кирпича каждого бульжника. Даже более современные здания старше практически всего в США.

Я убрала сумочку в чемодан и оставила ее в номере гостиницы, положив все, что мне нужно в рюкзак и в карманы. Я бродила вокруг в благоговейном оцепенении, осматривая множество известных достопримечательностей одного из самых старых и легендарных городов на земле. Местами он грязный, развалившийся, запущенный, беспорядочный. Он грубый и тяжелый. Но он прекрасен.

Я гуляла, пока у меня не заболели ноги. Я поймала такси и показала визитку гостиницы водителю, который ответил на чистом английском, но с сильным акцентом:

— Да, мэ. Тотчас, мэ. Может быть, Вам надо поесть? Вы голодны? Слишком много ходили? Я отвезу Вас в замечательное место. Мой кузен готовит лучшую пасту во всем Риме. Вы умрете от любви к еде, я Вам клянусь. Вино и хорошая еда — Вы будете как новая?

Я позволила ему отвезти меня к ресторанчику его кузена, который оказался в нескольких кварталах от моей гостиницы; еда была божественна. Я сидела снаружи, потягивала красное вино, печатала на своем нетбуке и наблюдала, как мимо проходят толпы туристов и местные жители. По телевизору показывали соккер, или я должна называть это футболом, — местные жители кричали, когда забивали голы, и стонали, когда команда противников забивала в ответ.

Я свободна. Я счастлива. Может случиться что угодно. Я пообещала себе, что пока пишу это, не позволю возможности пройти мимо. Страх не может остановить меня, больше нет. Я позволю жизни унести меня. У меня ясная голова на плечах, я четко понимаю, что правильно, а что нет.

ГЛАВА 5

13 июля

Сегодня я встретила Луку. О боже. Лука. Как же его описать? Простое произношение его имени, это как музыка, как поэзия. Лука.

Высокий, темноволосый, красивый — этих слов недостаточно, чтобы его описать. Физическое описание не отдает ему должное, потому что он — мужское олицетворение красоты, но я все же постараюсь.

Шесть футов три или четыре дюйма, жилистый, сильный, с широкими плечами, тонкой талией, длинными и мощными ногами. Черными как смоль, блестящими, немного, чересчур длинными, взъерошенными волосами, которые спадают на глаза, ох, эти глаза. Черт возьми. Глаза Луки карие, как... что? Корица и молочный шоколад. Насыщенные, темные, освещенные солнцем. Руки сильные, но мягкие. Длинные, ловкие, уверенные пальцы музыканта.

Каждое слово, вылетающее из его рта, это лирика, прекрасная мелодия.

Он произносит мое имя так, будто это песня:

— Де-ЛАЙ-ла.

Позвольте мне вернуться назад и рассказать историю с самого начала, сделать все правильно. Луку лучше понять из контекста того, как я его встретила.

Я сидела на краю фонтана и искала в рюкзаке солнцезащитный крем. Найдя и нанеся его, закинула обратно в открытый рюкзак и отклонилась назад, наслаждаясь теплом солнца на лице, звуком брызг и веселыми разговорами. Был вечер, время ланча закончилось, а для ужина еще рановато. Солнце садилось за горизонт, проливая мягкий, но яркий золотистый свет на старый мрамор тысячелетних зданий.

Я позволила разуму потеряться в мыслях, представляя римских сенаторов, пересекающих это самое место. Цицерон, может быть. Плиний. Или Плиний грек? Не могу сейчас вспомнить, и мне все равно.

Вдруг, я услышала шлепающие шаги и звук, будто схватили что-то тяжелое, а мимо меня пронесся какой-то шум. Открыв глаза, я увидела маленького мальчика, пробирающегося через переполненную площадь, а в руках у него мой открытый рюкзак, из которого на бегу выпадали вещи.

Мой рюкзак. Дерьмо! В этой сумке несколько тысяч долларов, паспорт и нетбук...

Выругавшись, я побежала за ним, благодарная за то, что надела кроссовки. Он был быстрым, мелкий говнюк. Я следовала за ним через переулки, узкие боковые улочки и почти поймала, но он перепрыгнул через ящик с апельсинами, о который я споткнулась, разбрасывая фрукты и зарабатывая множество итальянских ругательств.

Я вскочила на ноги и, задышавшись, крикнула:

— Извините меня, простите!

Да, я немного выучила итальянский.

Я увидела маленького вора, который поворачивал за угол, отдаляясь от меня, и слышала, как из моего горла вырываются рыдания.

— Нет, пожалуйста, — задышавшись я, протягивая руку, когда он начал исчезать из поля зрения.

О, чудо! Мальчик оглянулся и посмотрел на меня, почти извиняясь. Он не замедлился, но, кажется, понял, насколько я была расстроена. Развернувшись, он прибавил скорости... как вдруг, из дверного проема вылетело тело и прижало мальчика к стене, удерживая его одной рукой.

Привет, высокий темноволосый и красивый. Держа одной рукой телефон у уха, он ритмично и быстро говорил на итальянском, а другой рукой удерживал у стены убегающего вора. Очевидно, что он сильно сжимал плечо мальчика, так как тот извивался и кричал, царапая руки мужчины обеими руками, а мой рюкзак упал к его ногам.

С тех пор я выучила достаточно итальянского, чтобы догадаться, о чем они говорят. Ради истории я записала их слова по-итальянски, как я их слышала, иными словами, не переведенными и запутанными.

— *Lasciatemi andare! Mi dispiace! Non farmi del male! Lo darò indietro!* (Отпустите меня Мне жаль! Не бейте меня! Я отдам его обратно!) — Голос мальчика был высоким от паники.

— *Dovrò richiamare* (Я перезвоню), — сказал мужчина в телефон, затем отключился и убрал его в карман своих узких джинс. — *Zitto, ragazzo* (Заткнись, мальчик), — рявкнул он, встряхивая вора.

Я поспешила к ним; подхватив свой рюкзак, убедилась, что все важные вещи там, где и должны быть. Мальчик выглядел так, будто мужчина действительно делал ему больно, и мне стало его жаль. Он был худой, грязный, с голодным отчаянным взглядом.

— Отпустите его, — сказала я на английском. — Я получила назад свою сумку. Не делайте ему больно.

— Скажи американской леди, что ты сожалеешь, — произнес мужчина на английском, с акцентом.

— Извините! Леди, мне жаль! Я просто голоден. Мне жаль! Пожалуйста, отпустите меня!

Еще раз встряхнув мальчика, мужчина отпустил его и прорычал на беглом английском с акцентом:

— Убирайся отсюда. Если я снова поймаю тебя за воровством, сдам тебя полиции.

Бледный и дрожащий, мальчик кивнул и исчез за углом. Застегнув рюкзак, я надела его на плечо. Подняв голову, поняла, что меня прижали к стене самой поразительной парой темно-карих глаз, которые я когда-либо видела. Он не просто смотрел на меня, он будто видел меня насквозь. Видел меня всю, будто я была обнаженной перед ним, уязвимой и мягкой.

У меня перехватило дыхание, и я не могла отвести взгляд. Я почувствовала, как сильные пальцы касаются моих поцарапанных при падении ладоней.

— У тебя идет кровь, — сказал он; его голос и акцент превратили эти обыденные слова в музыку.

— Я... в порядке, — сказала я. Он все еще держал мою руку, и от его прикосновения по моему телу растекся трепетный огонь. — Всего лишь царапина...

— Нет, о тебе нужно позаботиться. Твои колени тоже поранены. Пошли, пожалуйста, пошли. — Он потянул меня за руку, мягко, но настойчиво. — Моя квартира здесь. Я быстро приведу тебя в порядок.

Я посмотрела вниз и поняла, что колени тоже сочились кровью. Именно в этот момент, они неожиданно заболели. И я вспотела...

Я позволила ему утянуть меня вверх по узкой, крутой лестнице, в просторную однокомнатную квартиру. Она была чистой и опрятной, с кухней-столовой, маленьким балконом с видом на улицу, маленьким столиком, покрытым белой льняной тканью, а пустая бутылка вина превратилась в свечу.

— Присядь, пожалуйста, — сказал он, толкая меня на стул.

Он намочил угол полотенца и приложил его к моим рукам, опускаясь на колени между моих ног. От его присутствия по моим венам растекся горячий электрический огонь. Чернильно-черные волосы падали ему на глаза, брови нахмурились, когда он, ох, так мягко прикоснулся к моим ладоням, и к каждому колену.

— Вот, теперь ты чистая. Тебе нужна перевязка? — спросил он.

— Нет, я в порядке, спасибо, — ответила я.

Я хотела, чтобы он продолжал меня трогать. Его руки на мне или на моих коленях, это будет отлично. Может быть, чуть выше по моим ногам?

Вытащив рядом со мной другой стул, он сел на него верхом, опустив руки на спинку.

— Итак, *mia bella* (моя красавца), как тебя зовут?

Моя красавица? Я уже знала итальянский достаточно, чтобы понять, что это был комплимент, и покраснела.

— Делайла, — ответила я, протягивая руку для пожатия.

Он взял мою протянутую руку и поцеловал ее, не отрывая от меня глаз. Его губы на моей руке обжигали, как огонь, дрожь восторга пробежала по моей руке и, прокатившись

жаром по всему телу, осела тяжестью в животе. Он на самом деле поцеловал мою руку. Я ни о чем не могла думать, все мысли испарились.

— Я Лука, — сказал он, после того, как я ничего не сказала.

— Ох, прости, да, я собиралась спросить, но я... ты... — я остановилась, делая глубокий вдох и собирая свое самообладание. — Приятно познакомиться, Лука. Спасибо большое, что вернул мою сумку, и позаботился обо мне.

Лука улыбнулся, сверкая прямыми белыми зубами на фоне темной оливковой кожи.

— Это было удовольствием для меня, Делайла.

— Не знаю, что бы я делала, если бы потеряла свою сумку. В ней находится все.

— Иногда Рим может быть очень опасным. Ты здесь одна?

Я кивнула.

— Это красивый город. Я всегда хотела увидеть Рим.

— Все так, как ты и думала? — спросил Лука, опуская подбородок на лежащие на спинке стула, руки.

— И да, и нет. В некоторых вещах, все намного лучше, чем я когда-либо мечтала, но в других...

— В некоторых вещах все не так прекрасно, да? Я это знаю. Я из... ты называешь ее Флоренцией... и я тоже удивляюсь состоянием дел в Риме. Это сложное место. Ты должна увидеть Фиренсе. Боже Мой. Так чудесно. — Он посылает мне причудливую, проказливую и хитрую улыбку. — Так же чудесно, как ты, Делайла. Единственная вещь, которая нужна Фиренсе, чтобы быть идеальной, это ты, гуляющая по ее улицам.

Я думаю, что растаяла, прямо тогда. Все, что я могла делать, это краснеть глядя в сторону и вниз на потрескавшуюся, выцветшую плитку под ногами. Он собирается вызвать у меня сердечный приступ? Он, правда, говорит обо мне?

— Я бы хотела увидеть Флоренцию... как ты ее назвал? Фиренс?

Он рассмеялся, посылая мне белозубую добрую усмешку.

— Нет, нет, нет, не Фиренс, с «е» на конце. Фиренсе. Флоренция — это английское слово. Мы называем ее Фиренсе.

Я попробовала итальянское произношение, используя небольшой акцент, как делает он:

— Фиренсе... так намного милевидней. Но да, думаю, дальше я отправлюсь во Флоре... в Фиренсе.

— Как долго ты в Рома? — Он снова улыбнулся. — Так мы произносим «Рим» — Рома.

— Предполагаю, я должна была немного выучить итальянский, прежде чем приезжать, да? — рассмеялась я застенчиво. — У меня не было определенных планов.

— Ну, теперь ты учишь, не так ли? Я хороший учитель, я так думаю. Я научу тебя. Например, «спасибо» это «grazie».

— Это первое, что я выучила. И «пожалуйста» это «per favore». — Я показала ему приложение в своем телефоне, которое использовала для перевода. — Я выучила несколько фраз благодаря этому.

Лука снова рассмеялся, махнув рукой, отклоняя мой телефон.

— Да. Технология — замечательная вещь, но, я думаю, нет ничего лучше, чем человек, чтобы научить языку. Есть много нюансов, чтобы говорить по-настоящему, и ни одна программа или приложение не смогут этому научить. — Он встал и протянул руку. — После такой пробежки ты, наверное, проголодалась, да? Поешь со мной, Делайла.

Не было никаких сомнений. Я взяла его за руку и позволила ему поднять меня.

— С радостью.

Мы шли по улицам Рима, я должна сказать, он направлял меня неуловимыми толчками. Он работал на винограднике, продавая коробки с вином в рестораны и бары по всей Италии, и в некоторые соседние страны. Он был младшим из четырех детей, все, кроме него, жили и работали в Фиренсе, в двух шагах от своих родителей. Большую часть времени Лука путешествовал, но все еще проводил несколько недель с семьей «во время праздников», как он выразился.

Мы сидели друг напротив друга в маленьком кафе, с видом на огромный, серый корпус Колизея.

— Завтра я возвращаюсь в Фиренсе. Уже неделю я работаю в Риме, а за три месяца до этого, путешествовал на севере. Я готов отправиться домой и есть еду моей мамы. — Он улыбнулся. — Я тот, кого вы, американцы, называете «маменькиным сынком». И я этого не стыжусь. Моя мама готовит лучшую еду во всей Италии.

— Это мило, что ты близок со своей мамой, — сказала я, потягивая вино, которое он заказал, сухое, непривычное и вкусное.

— Мне кажется, что европейцы, гораздо ближе к своим семьям. Несколько раз я ездил в Америку, и мне показалось, что так и есть.

— Думаю, ты прав, — ответила я. — Мы уезжаем, когда становимся достаточно взрослыми, и возвращаться домой, становится все тяжелее. И частично, это потому, что Америка такая большая.

— Но еще это вопрос культуры и воспитания детей, — сказал Лука. — Это не значит, что американцы не любят семью, но для нас все по-другому, я верю в это.

Я позволила Луке сделать заказ за меня, мы ели медленно, наслаждаясь каждым кусочком, рассказывая детские истории. Мне удалось избежать обсуждения причины, почему я приехала в Италию, и я этим гордилась. Не говори о драме, сказал мне Джордж.

— Итак, почему ты приехала в Италию? Просто на каникулы? — У Луки был хитрый взгляд, будто он знал, что это не так. — Я думаю, тут нечто большее. Ты здесь одна, ведь так? Ни друзей, ни мужа, ни туристической группы?

Я колебалась, не зная, что сказать. В конце концов, я решила рассказать часть правды.

— Да, я одна. Я просто должна была уехать от всего на некоторое время, а идея о том, чтобы отправиться куда-то с кучей случайных незнакомцев, чтобы просто увидеть туристические места и двигаться дальше... нет, спасибо.

— От чего ты убегаешь?

Я пожалала плечами, с небрежностью, которую не чувствовала.

— Просто... знаешь... Жизнь, драма. Как обычно.

Лука махнул вилкой.

— Ах! Драма, знаю. Думаю, что ты не хочешь это обсуждать. Ты на каникулах, чтобы забыть, да? — На десерт официант принес спумони для нас обоих. — Ах, это выглядит восхитительно. Ты раньше пробовала спумони?

На этом он закончил, тема благосклонно перешла на наши любимые десерты.

Когда мы закончили, Лука расплатился, не позволив заплатить мне хотя бы половину, и мы бесцельно прогуливались. Постепенно наступила ночь, время ускользало из-под наших ног. Мы отдыхали, то тут, то там сидя на скамейках, наш разговор длился бесконечно, и естественно перетекал с темы на тему. Лука аккуратно удерживал наш разговор от чего-то серьезного. В конце концов, мы оказались на высоком холме, с видом на город,

прислонившись спиной к древней каменной стене. Мы сидели достаточно близко, наши плечи и бедра соприкасались, и с каждым прикосновением, я чувствовала, как сквозь меня проходит электрический ток. Я надеялась, как школьница, что буду достаточно храброй, чтобы поцеловать его или просто держать за руку.

— Завтра я уезжаю домой, — сказал Лука, некстати. — Я подумал... возможно, ты захочешь поехать со мной? Это будет бесплатная поездка в Фиренсе, если ты не возражаешь против моей скучной компании в дороге...

Мое сердце подскочило к горлу.

— Я... ты не скучный, Лука. Совсем наоборот. — Я лихорадочно думала, как влюбленный подросток, я ему нравлюсь, я ему нравлюсь, я ему нравлюсь! — Я бы с радостью, спасибо.

Мы лениво направились обратно к моей гостинице, и Лука остановился у двери моего номера. Сердце бешено колотилось в груди, хотя я не понимала, почему.

Мои нервы поняли раньше меня — я собираюсь его поцеловать.

Я стояла спиной к двери, Лука был напротив, одной рукой упираясь в стену возле моей головы. Мы не разговаривали, впервые за несколько часов, просто смотрели друг на друга. Я ждала, что он поцелует меня, думала, сделает ли он это, гадала, должна ли я сделать первый шаг, или это будет непристойно.

— Я хочу тебя поцеловать, Делайла, — прошептал Лука, прерывая мои мысли. Его голос был дыханием на ветру.

Я наклонила голову, приоткрывая губы, моя рука оказалась в мягких, как перышки, черных волосах у его шеи, наши губы соприкоснулись, сначала едва задевая, затем с большей настойчивостью.

На вкус он был так хорош, как вино и жар. Его ноги были по бокам от моих, а руки на моей талии, одной рукой он скользнул к моему лицу, погладил щеку и запустил пальцы в волосы. Его твердое тело прижалось к моему, я почувствовала слабый стук его сердца, немного быстрый, будто он тоже нервничал. Конечно, он тоже мог почувствовать мое барабанищее сердце. Я была напугана. Я хотела, чтобы это продолжалось, хотела, чтобы поцелуй длился вечно и никогда не заканчивался, но я хотела большего, он был таким горячим, таким сексуальным, и он целовал меня, Делайлу Флорес.

Его рука передвинулась с моей талии на спину, и скользнула вниз, остановившись в паре сантиметров от моей задницы, и я была бы не против, если бы он продолжил.

— Возможно, мы могли бы перейти по ту сторону двери? — предложил Лука, с улыбкой в голосе.

Я, не раздумывая, кивнула, позволяя инстинктам дальше руководить мной, а не страхам и запретам. Я порылась в своем рюкзаке, ища ключи. Найдя их, мне удалось отвернуться от его горящих желанием глаз достаточно надолго, чтобы открыть дверь и зайти внутрь.

Что-то взорвалось в животе и разорвало мои страхи. Закрыв за собой дверь, Лука развернулся лицом ко мне. Возможно, я немного атаковала его. Сквозь меня пробежала волна похоти, уничтожая все, кроме желания. Он был здесь, в моем гостиничном номере. Его волосы спадали на один глаз, джинсы сидели низко на бедрах и плотно обхватывали его упругую задницу. Я хотела трогать его всего, чувствовать, как он прижимается ко мне, позволить ему взять контроль и плыть по течению.

Он поймал меня, позволяя врезаться в него, и обрушил свои губы на мои, и теперь — о, боже — его руки скользнули вниз по моей спине, обхватили за задницу и притянули к своим

бедрам.

Влажное тепло распустилось в моем центре, и я вздохнула в его губы.

— Мне это нравится, — произнесла я. Я не собиралась говорить, но слова непроизвольно слетели с губ.

Лука рассмеялся, и улыбка тронула его сочные губы.

— Это хорошо. Мне тоже это нравится. — Он передвинул вторую руку к моей заднице, впиваясь пальцами в мускулы под тканью юбки. — Это тебе тоже нравится?

Я кивнула и позволила своим рукам медленно и нетерпеливо подняться к его груди, ощущая тугие мускулы. Но этого было недостаточно. Мои руки хотели большего. Они хотели чувствовать горячую кожу. Они пробрались под тонкую ткань его футболки и коснулись живота, слегка задевая волосы, когда снова поднялись к его груди.

Он ухмыльнулся и повторил мои движения: скользнул мне под рубашку и провел руками по спине, остановившись прямо под полоской лифчика. Я ахнула от контакта кожи к коже, прижалась к нему и обняла, чтобы прикоснуться к его спине. Он лишь приподнял бровь, но не двигался. В какую игру он играет?

Я провела руками вниз по бокам его спины и жестким изгибам мышц. Теперь я трогала его чуть выше пояса джинс.

Осмелюсь ли я?

О да, я осмелюсь.

Я передвинула руки под его джинсы и нижнее белье, чтобы сжать классную и упругую задницу. Боже, она была как скала. Мое сердце дико стучало в груди. Ответит ли он взаимностью? Умру ли я, когда он это сделает?

Его длинные пальцы прошли по бокам моих бедер, забрались под край юбки и подняли ее, прижимая ладони к одетому в кружево заду. Его глаза не отрывались от моих, ожидая, что я скажу «нет», но я молчала, пытаюсь успокоить бешено бьющееся сердце. Этого не произошло, и когда я не стала строить из себя застенчивость, а продолжала смотреть ему в глаза, он скользнул рукой под кружево, к моей голой коже.

Я глубоко вдохнула из-за гудящих ощущений от жаждущей мужской руки на моей коже и задрожала.

— Ты в порядке, Делайла? Я не хочу давить на тебя, если ты не хочешь этого также сильно, как я. — Я могла лишь кивнуть, и он наклонил голову. — Значит, ты нервничаешь.

Я снова кивнула, но понимала, что должна что-то сказать.

— Да, я нервничаю. Это... прошло некоторое время. Но я не хочу останавливаться.

— Скажешь мне, если я буду двигаться слишком быстро, хорошо? — сказал он.

На мне были розовые кружевные трусики, белье, которое я купила ради забавы, прежде чем покинула Чикаго. Я носила их, потому что они заставляли меня чувствовать себя сексуальной и смелой. Увидит ли он их? Меня пугала мысль о том, что я буду стоять перед мужчиной в лифчике и трусиках. Я никогда раньше этого не делала. С Гарри все было не так. Мы занимались сексом в кровати, с выключенным светом. Я никогда намеренно не стояла перед мужчиной в любой степени раздетости. Ох, конечно, Гарри все время видел меня голой, только что из душа или переодеваясь, но...

Боже, пока я пишу это, понимаю горькую правду: Гарри не хотел и не желал меня. Я была безопасной для него. Я была обеспеченной. У меня был карьерный путь, и я заботилась о нем. В сексуальном плане я просто была доступна, но не его выбором.

Лука... он хотел меня. Это было видно по его глазам, в блуждающей одержимости его

рук, в выпуклости его бедер рядом с моими. Его желание было заразительным, опьяняющим. Меня раньше никогда не желали.

Я должна показать Луке, что тоже хочу его. Я провела руками вверх по его торсу, по бокам и сняла с него футболку. Святое дерьмо. Его тело было высечено из гранита и покрыто кожей. Мои губы по собственной воле коснулись его плеча, поднялись к изгибу шеи и к Адамову яблоку.

Я никогда не целовала мужчину с такой нежной страстью. Я не любила Луку, но я хотела его так, как не хотела еще никого.

Пока я платила оральную дань храму его тела, Лука поцеловал меня в висок, погладил по волосам и, опустив руки вниз по моей спине, снял с меня рубашку, а мое сердце сошло с ума.

— Твое сердце так быстро бьется, — рассмеялся Лука. Он приподнял мой подбородок, чтобы я посмотрела на него. — Думаю, ты не только нервничаешь. Ты боишься. Я пугаю тебя, Делайла?

Я покачала головой и кивнула, а потом, всхлипывая, рассмеялась над своей нерешительностью. Я не плакала. Я не могла.

Дерьмо. Да, я плакала.

(Материться становится легче с каждым днем, а в письменной форме это еще легче. Никто и никогда не прочтет этот дневник).

— Делайла? Боже мой, ты плачешь. Это слишком, я знал это. — Он усадил меня на кровать, прижимая к своей груди.

Я была в юбке и лифчике, но он не сделал ничего, лишь взглянул на меня. От этого я заплакала еще сильнее.

— Мне жаль, Лука, — прошептала я, давась непрошеными, смущенными слезами. — Это не из-за тебя. Не знаю, что случилось. Я наслаждалась этим, правда. Я не хочу останавливаться. Я не знаю, почему плачу.

— Расскажи мне, моя красавица. Что ты пытаешься забыть?

Я покачала головой.

— Нет. Никакой драмы. — Я вытерла глаза, делая мелкие, дрожащие вздохи.

А потом Лука, сладкий сексуальный Лука, поцеловал меня в волосы, в висок, скулу, челюсть, и все было так, будто я всегда его знала, всегда чувствовала его поцелуи на своем лице. Так знакомо, так чуждо; так волнующе и утешительно.

Это заставило слезы только сильнее катиться по моему лицу, и я заговорила. Снова. Рассказывая свою глупую историю. У меня было достаточно прогона этой истории, я почти наизусть выучила факты: маленькая городская девочка вышла замуж за своего возлюбленного из старшей школы, обнаружила его изменяющим ей и уехала.

— Тогда почему ты так этого боишься? — спросил Лука. — Ты не девственница, это не твой первый раз, и не мой. Я не причиняю тебе боль, ведь так? Не заставляю тебя делать это?

— Нет! Как я и сказала, это не ты, ни в коей мере. Это просто... Гарри, мой бывший муж, был единственным, с кем я была. И с ним это всегда было в кровати, в темноте. Как только мы поженились — мы ждали, пока не поженимся, чтобы сделать это в первый раз, или я ждала, по крайней мере — в этом не было ничего романтического. Мы едва целовались. Он не трогал меня так, как ты. Он просто... делал то, что делал, кончал и засыпал. — Я не могла смотреть на Луку, пока говорила это. — Я не знаю, что делаю. Я не знаю ничего,

кроме того, что... я хочу тебя. Я хочу этого. Ты... ты смотришь на меня, трогаешь, будто действительно хочешь меня, и это восхитительно. Но да, я напугана. Это в новинку для меня, и я чувствую себя уязвимой. Что если я плоха в этом? Что если тебе не понравится... это... со мной? Я будто девственница, в каком-то смысле. С точки зрения опыта, я имею в виду. Я никогда ничего не делала. Я просто позволяла Гарри сделать то, чего он хотел, и все.

Глаза Луки горели злостью, но не на меня, я так не думаю.

— Ох, Делайла. Ты бедная девочка. С тобой так плохо обращались. Это не любовь и даже не секс. Этот Гарри был эгоистичной свиньей, мужчиной, который не заслуживает тебя. Я думаю, тебя надо научить тому, что такое настоящее наслаждение. — Он приподнял мой подбородок и мягко поцеловал. — Если ты уверена, что хочешь этого, со мной, сегодня, я буду медленным, как учитель в искусстве любви, если ты этого желаешь. Если нет, всегда есть другая ночь, и, пожалуйста, не думай, что я буду расстроен...

Да, Лука действительно сказал это. Он хотел обучить меня искусству любви? Ох, Венера моего все еще бьющегося сердца.

— Ответь мне, моя красавица Делайла. — Команда была мягкой, но настойчивой, его пальцы удерживали мой подбородок, чтобы я не отвернулась. — Я хочу услышать твой ответ.

Я смотрела ему в глаза.

— Научи меня, Лука.

Медленная, соблазнительная улыбка появилась на его губах, и подушечка его указательного пальца спустилась с моего подбородка к горлу, к груди, и между впадинкой декольте.

Он потянул лифчик между чашечками.

— Сними это. Я хочу видеть тебя, моя красавица. Неуверенной рукой я потянулась назад, все еще сидя рядом с ним, но он остановил меня. — Встань, если тебе угодно. Можешь сделать из этого танец. Ты такая красивая, Делайла. Такая сексуальная. Покажи мне, что ты это знаешь.

Покачивая головой, я едва прошептала, но он услышал.

— Я не знаю.

Он выглядел почти грустным.

— Знай это, в своем сердце. Ты изящна. Встань. — Я медленно поднялась, обнимая себя руками, пытаюсь прикрыть грудь и живот. — Очень хорошо. Теперь, опусти руки, просто позволь мне взглянуть. Чувствуй свое тело. Своими руками, почувствуй себя.

Мое дыхание было прерывистым, но я заставляла руки опускаться вниз, проводя ими по бедрам чуть выше юбки. Погладила руками по бокам, коснулась тяжелых чашечек лифчика, декольте и опустила руки. Лука, казалось, наслаждался этим; похоть в его глазах придавала мне мужества. Я потянулась назад, к молнии юбки, потянула ее вниз, зацепила большими пальцам за пояс, но заколебалась.

— Да, снимай ее. Покажи мне больше. — Лука уперся руками в кровать.

Я видела доказательство его возбуждения, выпирающее из джинс. Кровь закипела от моего распутного поведения и от мысли о его мужском достоинстве, твердом для меня.

Я спустила юбку по бедрам, повертела задом, позволив ей упасть на пол, и осталась в лифчике и трусиках, Лука вцепился руками в постельное покрывало, будто это заставляло его оставаться на месте.

— Mio dios. Così bella. Si guarda in modo morbido. Voglio toccarti (Боже мой. Так красиво. Все выглядит настолько мягким. Я хочу прикоснуться к тебе).

— Что? Что ты сказал?

Он низко рассмеялся. Его глаза не переставали бродить по моему телу.

— Я сказал, ты такая красивая. Ты выглядишь такой мягкой, я хочу прикоснуться к тебе.

Во мне забился взрыв мужества.

— Так прикоснись ко мне.

Он покачал головой.

— Не сейчас, но скоро. Сначала, покажи мне больше, моя красавица. Больше.

Руки дрожали, и я отвела взгляд. Я не могу. Обнажить свое тело перед мужчиной?

— Пожалуйста. — Это было простое, мягкое слово, произнесенное с улыбкой и со взглядом, полным чистого желания.

Этого было достаточно.

Я потянулась за спину и расстегнула лифчик, каждую застежку отдельно. Я не могла двигаться быстрее, даже если бы захотела. Руки дрожали, как листья на ветру, а сердце билось так, будто собиралось вырваться из груди. Я почти задыхалась. Но сделала это. Я расстегнула лифчик, и, с усилием скрестив руки на плечах, сняла лямки, позволяя ему упасть на пол.

Автоматически, мои руки скрестились на груди, а спина сгорбилась.

— Встань прямо. Да, вот так. Очень хорошо. Теперь, опусти руки. Позволь мне увидеть твою прекрасную грудь.

Я заставила руки упасть по бокам и стоять прямо. Лука глубоко дышал, глаза полуприкрыты, а руки сминали покрывало.

— Теперь остальное.

Это было еще труднее. Невозможно.

— Я не могу, — ответила я.

— Ты можешь. Ты хочешь. Ты красивая, и я хочу увидеть тебя всю. Покажи мне.

Я закрыла глаза и сделала глубокие успокаивающие вдохи. Я могу это сделать. Я хочу. Он думает, я красивая. Да.

Мои руки пробежались по бокам, между кожей и розовым кружевом, потянув трусики, я наклонилась, чтобы выйти из них, от этого движения грудь покачнулась. Выпрямившись, я закрыла глаза, руки задрожали напротив моей киски. Подбородок затрясся.

— Посмотри на меня, Делайла. — Голос Луки был мягким, нежным, настойчивым.

Я покачала головой, уставившись взглядом в потертый ковер.

Услышав, как ослабли пружины, когда Лука встал, я задрожала еще сильнее. Я напомнила себе, что хотела этого. Пол заскрипел, и тепло окутало мое обнаженное тело, когда Лука приблизился.

Я ахнула, когда его палец спустился с моего бока к бедру. Почувствовав губы на своем плече, я отклонила голову назад, а когда они двинулись вниз к груди, потеряла дыхание. Пальцы спустились по животу, очертили пупок, и снова поднялись выше, под грудь к ореолам, и затем...

Мои колени подогнулись, когда он ущипнул меня за сосок, посылая молниеносный жар через все тело. Другая его рука прошла по изгибу моего бедра и обхватила задницу, а губы ласкали мою кожу, касались горла и плеча, груди и щеки, а теперь и губ.

— Теперь посмотри на меня, Делайла. Пожалуйста.

Я посмотрела. Его взгляд был прикован ко мне, настойчивый и горящий желанием. Он опустил руки мне на плечи и развернул в пол-оборота, чтобы я смотрела на дверь ванной. Я

увидела себя в зеркале, голую, бледную, как фарфор, чувственную, Лука стоял рядом со мной в джинсах и без рубашки. Его руки обернуты вокруг моей талии, темная кожа на белой.

— Посмотри, какая ты красивая, — сказал он, его дыхание щекотало мое ухо. — Видишь? Видишь, насколько ты прекрасна?

— Я вижу тебя, — ответила я Луке. — Ты прекрасен.

Он отошел в сторону, за пределы зеркала, удерживая мою руку в своей. — Смотри теперь, тут только ты. Теперь ты видишь свою красоту?

Я покачала головой.

— Я вижу лишь себя. — Снова вспышка смелости; я отвернулась от зеркала и встала лицом к Луке. — Покажи мне, как ты думаешь, что я красивая. Продолжи обучение.

Он подошел ко мне, сокращая расстояние между нами.

— Помоги мне со штанами, — произнес он.

Ох, его обучение заставляет меня выйти из своей зоны комфорта; но я сделала почти все, не так ли?

Я проследила руками сильные, широкие грудные мышцы, вниз, между впадинами его брюшного пресса, к бокам и стальным мускулам его рук. Он стоял, не шевелясь, позволяя мне трогать себя. Сейчас обе мои руки покоились на его животе. Я поцеловала его, поцелуй был медленным. Лука тщательно исследовал мой рот своим, и я позволила своим рукам спуститься вниз и поиграть пуговицей его джинс.

Собираюсь ли я это сделать?

Черт, да.

Пуговица легко выскользнула, ширинка расстегнулась почти самостоятельно, и края его штанов разошлись в стороны, открывая черный хлопок. Вдохнув, я спустила его джинсы вниз по бедрам, и он вышел из них, одной ногой стянув материал с другой ноги и наоборот, наконец, он остался лишь в узких, черных трусах, его эрекция выпирала, а головка почти выскочила наверх.

Боже мой, этот мужчина прекрасен.

— Почти все, *mia bella*. Теперь нижнее белье. Медленно.

Я засунула два пальца под резинку у его тазовых костей и потянула вниз. Кончик его пениса поймал материал, и мне пришлось скользнуть одним пальцем под резинку, чтобы освободить его. Мой палец коснулся его мужского достоинства, и я нелепо покраснела. Стянув трусы полностью, я беспомощно не могла отвести взгляд.

В данный момент сравнения было просто не избежать, не так ли?

Конечно, Гарри был моим единственным ориентиром. Согласно Мардж, он был... маленький. Конечно, она, возможно, говорила не правду, или просто пыталась успокоить меня каким-то странным образом.

Если Лука был телом для сравнения, Гарри едва туда доходил. Возможно, момент объективности: Гарри был ниже на несколько дюймов и тоньше почти настолько же.

Я почти не видела эрекцию Гарри, ни до, ни во время, ни после секса. Как я уже говорила, мы ничего не делали при свете. Это может прозвучать смешно, но я была замужем за ним почти десять лет и не видела его голым, не трогала его член, или что-то еще.

Я почувствовала приступ паники. Если мы, Лука и я, займемся сексом... он собирается всунуть это туда? Он был огромным. Я наполовину меньше.

Возможно, моя паника была заметна.

— Пожалуйста, не переживай. Ты растянешься. Я буду медленным, а ты скажешь, если

тебе будет не комфортно. Но это будет не сейчас. Не думай об этом. — Лука прижался ко мне, его эрекция твердая, но как шелковый клин между нашими телами. — Сейчас, двигаемся медленно, момент за моментом. Теперь ложись и позволь мне прикасаться к тебе.

Он подтолкнул меня к кровати, и я легла, передвинувшись к центру. Лука лег рядом, достаточно близко, чтобы его тепло согревало меня. Его губы коснулись моих, и я почувствовала облегчение. Я забыла все свои переживания, все страхи, все мысли, когда он поцеловал меня. Я могу это сделать, когда он целует меня.

Может быть, он знал это, и отстранился, чтобы я почувствовала свой страх и встретила с ним лицом к лицу. Он целовал мою челюсть, горло под подбородком и впадинку у основания шеи. Мои пальцы нашли его затылок и остались там. Он передвигался ниже, и ниже, и... о... Боже...

Его рот оказался на моем соске, слегка прикусив зубами и пощипывая губами. Чистый восторг. За всю жизнь не было ничего прекраснее, чем рот Луки на моей груди в этот момент, его губы обхватили всю вершинку, язык дразнил, слегка ударяя, кружась. Влажное тепло растеклось между моими бедрами, в складках киски. Его рука нашла другой сосок, святое небо и, черт возьми, он опустил пальцы на киску, прижал ладонь к бугорку и скользнул в меня одним пальцем.

Это не сравнится с тем, когда я трогала себя. Он был везде, целуя груди, дразня пальцами сосок, поглаживая киску. И все, что я могу делать, это выгибать спину и не забывать дышать.

Палец внутри меня медленно задвигался, изучая глубины, снося стены и обратно. О, о боже, он нашел клитор, сладкий Иисус... во мне взорвалась молния, когда он потер ноющий бугорок двумя пальцами.

— Ты такая узкая, *mia bella*. Такая влажная. — Пока он говорил, мой сосок все еще был у него во рту. — Я думаю... да... я думаю о том, какая ты на вкус.

— Что? Нет, ты не можешь...

Но он это сделал.

Его тело скользнуло вниз, руки развели мои сопротивляющиеся колени в стороны, его рот целовал линию моего бедра, выше и выше, к кусочку аккуратно подстриженных кудрей.

Я всегда подстригала там, просто потому что мне так нравилось.

Я попыталась сжать колени вместе, подавленная, смущенная, шокированная тем, что он коснулся меня там своим ртом, но он лишь целовал более страстно, проводя языком по другому бедру, и потом по лобковой кости и — да, да, сладкий экстаз — его язык нашел мой вход, внутрь и вверх, отстраняясь и снова облизывая. Он поцеловал губы моей киски, затем снова вошел языком, а моя спина выгибалась от каждого касания его языка.

Казалось, он только начал. Я дернулась, когда он щелкнул языком по моему влажному клитору, и я задохнулась, но он не остановился, лишь снова лизнул, и теперь его пальцы были во мне, а язык нашел свой собственный ритм, вокруг, и вокруг, и вокруг, затем вверх, вверх, и вверх.

Я не была уверена, что он сделает дальше, но что-то взорвалось глубоко внутри меня. Его средний и безымянный палец коснулись какой-то точки внутри, и я распалась на части. Язык потерялся о клитор, пальцы потирали то местечко, я извивалась, распутывая узелок иступленных нервных окончаний, всхлипывая, дергаясь, но он не остановился, а все продолжал и продолжал...

Мир исчез на мгновение, и я возможно закричала.

Вес Луки снова оказался рядом со мной, когда я смогла двигаться, прижалась к нему и встретила с ним взглядом. — О... мой... Бог. Как ты это сделал?

— Тебе понравилось? — Я смогла лишь кивнуть, застенчиво ухмыляясь в его плечо. — Хорошо. Позже я снова это сделаю, если ты захочешь. — Он поцеловал меня, и я попробовала свой собственный вкус на его языке.

Я обнаружила, что смотрю на его эрекцию... на его член. Слово пронеслось в моей голове, и я мысленно его произнесла, попробовала его. Член. Думаю, я хочу коснуться его. Я хочу коснуться его члена.

— Вперед, — сказал он, и я поняла, что сказала это вслух.

Я не хихикала. Правда.

Ох, ладно, я это сделала, немного.

Я положила руку ему на грудь и двинулась вниз к животу, моя ладонь скользнула по его члену. Было... так много противоречивых ощущений. Твердый, и в то же время мягкий. Твердый, как сталь, но немного эластичный под пальцами, шелковистый и теплый. Длинный и толстый. Я взяла его в руку, и мои пальцы едва встретились. Его глаза вздрогнули и зажмурились, я поняла эффект, который оказывала на него. Ему это нравилось. Он наслаждался моим прикосновением.

Я скользнула рукой по всей длине, и обвила другой рукой, один кулак выше другого, а затем одна капля прозрачной жидкости вытекла из отверстия на головке, название которой я не могла вспомнить, и пока я пишу, это уже не важно. Я двигала руками вверх и вниз по его длине, имитируя секс, мягко сжимая.

Яички были тугими, я потрогала и их тоже, взяла в ладонь, пораженная тем, что они были намного тяжелее, чем я себе представляла. Вернув руки обратно на член, я позволила им просто трогать и исследовать.

Я была поражена своим спокойствием, когда обернула пальцы вокруг члена мужчины, которого только встретила.

Его руки поймали мои и оттолкнули их.

— На сейчас, достаточно. Если ты продолжишь, все закончится раньше, чем начнется.

Я знала, что произойдет. Хотя никогда не видела, как это происходит. Гарри всегда кончал во мне. Я хотела увидеть, как это происходит. Я хотела помочь этому случиться.

— Я хочу этого. Я имею в виду, хочу заставить тебя... ты знаешь. То, что ты сделал для меня.

Лука улыбнулся, обхватив мою грудь, наклонился и поцеловал.

— О, ты сделаешь. И позже ты сможешь сделать все, что захочешь. А сейчас я хочу быть здесь, — произнес он, прикасаясь двумя пальцами к моей киске.

Во мне проснулась логика.

— Я на таблетках, — сказала я ему.

Я знала, были и другие аспекты, о которых я должна спросить, но его рот снова нашел мой сосок, и он лег на меня, прикасаясь ко мне пальцами, двигаясь во мне.

— Это хорошо. Я чист, постоянно проверяюсь, не о чем беспокоиться, — ответил Лука, вставая на колени между моими бедрами. — Теперь, посмотри на меня, Делайла.

Я провела руками вверх по его бокам и остановилась на спине, смотря на него.

— Ты уверена? Ты хочешь этого? Я остановлюсь. Сейчас, или во время, просто скажи.

Я закрыла глаза и глубоко вдохнула, ища сомнения, но нашла лишь нервы, ни страха, ни сомнений.

— Просто... будь нежен.

Он придвинулся ближе, и я почувствовала его присутствие, твердый, влажный кончик толкался в меня, его глаза не отрывались от моих, наблюдая за моей реакцией. Я вцепилась ладонями в его спину и задержала дыхание, пока он скользил внутрь. Он был медленным, очень, очень медленным. Дюйм, пауза, одна рука удерживает его вес, другая играет с моей грудью и соском.

Еще один толчок, немного глубже, я почувствовала, что моя влажность сглаживает его, чувствовала, как мышцы приятно жжет, когда он растягивал меня, чтобы приспособиться, и о боже, о боже, я никогда раньше такого не чувствовала. Не с таким желанием, не с такой признательностью в глазах Луки, его руки на мне, исследовали мою кожу, тело продвигало его глубже в меня.

Он издал низкий горловой стон «ммммм» и полностью вошел, наши бедра соприкоснулись, я почувствовала трепещущее давление внизу живота. Он остановился, я была такая влажная, такая мокрая, так заполнена им, переполнена, и он вышел почти полностью, остался лишь кончик. На этот раз он полностью вошел одним сильным толчком, и я задохнулась, широко открыв рот, голова откинута назад, а пальцы царапали его спину.

Следующий толчок был гладким, внутрь и наружу, вся его длина вышла и снова пронзила меня, во мне распространилось тепло, давление нарастало. Снова и снова, теперь мои ноги обернулись вокруг его ягодиц и притягивали его ближе, потому что да, мне это нравилось, я хотела этого так сильно, все ощущалось так хорошо.

Ритм был задан, быстрее и быстрее, я колебалась на краю взрыва, а потом...

Он перекатился, и я оказалась на нем.

— Теперь ты это сделаешь. Доставь себе удовольствие, в своем темпе. — Лука смотрел на меня, а его руки покоились на моей талии.

Это было чем-то новым. Так он был даже глубже во мне. Угол наших тел вытянул его член от тела, и вошел еще глубже. Я попробовала покрутить бедрами...

Было приятно. О да... Девушка могла привыкнуть к этому. Его руки держали меня за талию и поднимали, позволяя опускаться и снова подниматься. Он не контролировал и не указывал ритм, не показывал, мне было все равно, его руки вокруг моей талии ощущались естественно и идеально. Мой вес был на коленях и голених, я поднималась, чувствуя, что его гладкая длина выходит из меня, зажигая каждое нервное окончание, вызывая вздох, и опускалась, боже, так глубоко, ни что теперь не останавливало меня от ритма ослабления и нарастания его тела внутри меня.

Он ворчал и шептал мое имя, напевал что-то на итальянском, звучало как песня — это могло быть *sì, tutto bene* (да, так хорошо), но я не уверена — он помогал мне приподниматься и опускаться, притягивая к себе сильнее и сильнее, и, наконец, буря жара, молний и огня в животе и венах вышла из-под контроля. Мои руки были на его животе, спина напряжена, изгибалась и выпрямлялась, когда я подводила его все ближе и ближе к кульминации.

Нет, это и близко не было похоже на то, что я делала сама с собой в Чикаго, в номере гостиницы; да, ощущения были почти несравнимы. Это было чувственно, интенсивно, удовольствие, выходящее за пределы того, что можно передать словами.

Мои бедра двигались как сумасшедшие, Лука поддерживал меня спереди, его голова откинута назад, а бедра шлепались о мои, глаза закрыты, дыхание неровное, его прекрасное, идеальное, мускулистое тело блестело от пота.

О боже, он был прав. Что бы я ни делала раньше, ничто не сравнится с этим. Это был

секс. Это было занятие любовью. Я знала, что только что познакомилась с Лукой, но я ощущала пугающий шар эмоций, растущий в моей груди, сосредоточенный вокруг Луки и этого урока чувственной радости. Я не знала, что это было или что это значит, мне плевать.

Все мысли исчезли, все знания о прошлом, настоящем или будущем. Все было удовольствием, таким чистым, чувственным и интенсивным, что мне трудно было ухватиться за слова.

Я рухнула на него, наши бедра все еще врезались друг в друга с яростью столкнувшейся бури, мои руки лежали под его головой и прижимали его со всей силой моего захвата и сокращающихся мышц.

Я почувствовала, что он кончил, за мгновение до того, как кончила сама. Он произнес мое имя и взорвался внутри меня, выпустив струю влажного тепла в мои дальние, внутренние стенки.

— Де-ЛАЙ-ла, — сказал он с ударением на среднем слоге, его бедра двигались во мне с медленной, бушующей властью. Чувствуя, что он кончает, я не могла остаться по эту сторону здравомыслия. Я распадалась на части на нем, трясаясь, дрожа, задыхаясь от толчков, будто каждая клеточка моего тела ожила, как никогда раньше.

Лука крепко держался за меня, пальцы впились в мои бока, дыша так, будто он пробежал марафон. Я была вялой, полностью истощенной, издерганной, насыщенной. Я была лужей, лежащей на нем, и не смогла бы двигаться, даже если бы захотела. Он перевернулся вместе со мной, так, что мы оба лежали на боку, его ствол все еще был глубоко во мне.

— Это... — начала я, но слова меня подвели. — Это было так...

— Потрясающе, — выдохнул Лука. — Очень, очень потрясающе.

Я посмотрела на него, встречаясь с его горящими карими глазами.

— Я не знала... я не знала, что все может быть вот так.

— И я тоже, а я не новичок в этом, не так как ты.

— Для тебя это тоже было хорошо? — спросила я.

Лука рассмеялся, насыщенным, изумленным смехом.

— Делайла... это было больше, чем потрясающе. Это было... я не могу подобрать слов в данный момент... это было мощно.

Я не знала, что ответить, так что ничего не сказала, просто прижалась ближе к нему и постаралась обуздать непонятный сумбур эмоций и ощущений внутри себя.

Между нами расцвело молчание, комфортное и легкое, приятное воспоминание накрыло нас, как теплое одеяло. Я начала проваливаться в сон, когда Лука снова заговорил.

— Ты поедешь завтра со мной домой?

Мое сердце замерло. Домой?

— Поехать с тобой домой? — Мой голос был натянутым и напряженным.

Лука уловил это и нерешительно заговорил.

— Да, домой. В дом моих родителей на праздники. Я прошу тебя поехать со мной в Фиренсе.

— Я думала, ты имел в виду, я не знаю... что ты отвезешь меня в гостиницу или еще куда.

Лука убрал волосы с моего лба.

— Я могу, но это не то, что я имел в виду. Дом моих родителей достаточно большой, чтобы у тебя была своя комната. Дешевле, чем гостиница. И более комфортно. — Он

приподнялся на локте. — Я предложил это только ради удобства, нет — это не означает, что я думаю, что ты боишься. Я имею в виду, это может быть и так, потому что ты мне очень нравишься, хотя мы познакомились лишь недавно.

Лука нервничал. Его английский, обычно быстрый, был с акцентом и странно структурирован, и становилось все труднее уследить за смыслом.

— Лука, я...

Чего я хочу? Может быть, он имел это в виду, как доброту, или, как он сказал, как удобство. Но что, если он хотел большего, чем я могла ему дать? Сказать, что я бы наслаждалась сексом с ним, было бы преуменьшением. Я хотела этого снова и снова. Я чувствовала себя ненасытной, как если бы могла дать ему время и снова повторить, и я никогда не буду полностью насыщена.

Но значит ли это, что я хочу встретиться с его родителями? Это означает то же самое, что и в Америке? Я не знала.

Он почувствовал мое замешательство.

— Тебе не нужно отвечать сейчас. Может, нам стоит поспать, и мы сможем снова поговорить об этом утром.

Я кивнула и позволила себе плыть по течению, мысли вращались в диких кругах. Лука уснул, и я тоже, но проснулась рано в предрассветные холодные утренние часы, мой разум был заполнен беспорядочными мыслями.

Я покинула постель, надела футболку Луки и, вытащив свой нетбук из сумки, открыла дневник и начала писать. Не могу поверить, как много я написала, пока читаю это, не могу поверить в вещи, которые написала. Я не знаю, что думать, чего хотеть. Мое сердце все еще в беспорядке из-за окончания моего брака сроком в восемь лет, из-за неверности Гарри и моего неожиданного статуса одинокой женщины. Теперь еще и Лука, спящий в моей постели, голая широкая спина в тусклом ночном свете, мышцы сжимаются и разжимаются, когда он дышит.

Я не могу отрицать укол привязанности, который поражает мое сердце, пока я сижу в углу и пишу это, наблюдая, как он спит. Что это значит? Хочу ли я это выяснить?

Я не знаю.

Часть меня хочет убежать, упаковать свои вещи и сбежать из Рима... найти первый автобус, поезд или такси и уехать куда-то еще, куда-то далеко от опасной массы эмоций, которые породил этот огромный, прекрасный мужчина.

Бежать. Бежать. Бежать.

Слово отбивало ритм мое напуганное сердце. Это должен был быть лишь секс, просто урок по искусству любви. Но... вот дерьмо. Искусство занятия любовью. Я поняла, что означает заниматься любовью. Что если для него это значит что-то еще? Мы только познакомились, несколько часов назад. Как он может иметь это в виду? И разве это не женщина должна соединять эмоции с физической стороной?

Я ходила по кругу, но не могла отрицать желание сбежать.

Сейчас три часа утра, я только что занималась сексом с незнакомцем, я не знаю, что чувствую, потому что он не незнакомец. Я знаю его. Но и не знаю, и не могу, и...

Бежать. Бежать. Бежать.

Я думаю, смогу ли найти автобус до Венеции в такое время?

Больше книг на сайте - Knigolub.net